THE SOCIALIST COURIER

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 1 раз в месяц.

 144

Адрес редакции и конторы: 7 East 15th St., Room 401, New York 3, N.Y.

№ 9 (589) 26-й год издания — 20 сентября 1946 — Цена 25 центов

СОДЕРЖАНИЕ:

Р. АБРАМОВИЧ

НАСТУПЛЕНИЕ И — СОРВАННАЯ ОБОРОНА?

Развернутым фронтом, по тщательно выработанному плану ведется дипломатическое и политическое наступление советского блока на «мирной конференции» и в ОН. Центральным пунктом наступления избран сейчас восточный бассейн Средиземного моря, — Триест и Греция. Эти две «пограничные вехи» между советской сферой и сферой демократий должны, вопреки состоявшимся соглашениям, быть передвинуты дальше на Запад. Триест должен войти в состав Югославии, фактически или под псевдонимом «свободной территории», и стать морской и воздушной базой для СССР. Греция должна быть расчленена и остатки ее вогнаны силой, или путем внутреннего переворота, в советскую сферу. То, чего не удалось добиться в свое время прямым восстанием ЭАМ, должно быть осуществлено сейчас обходным путем: Албания, Болгария, Югославия требуют раздела Греции на основе «этнического принципа», того самого, который СССР отрицает для Италии в Венеции Джулии и Триесте. Одновременно концентрическая пропагандистская атака крупного размера должна разложить, деморализовать и политически ослабить Грецию, разжечь в ней пламя гражданской войны и — давлением общественного мнения, и британского, и мирового — заставить Англию убрать свои войска, единственный реальный барьер на пути победоносного советского наступления на Грецию. Аналогичная тактика проводится и по отношению к Триесту: если давлением и пропагандой заставить США «интернационализировать» Триест по молотовскому плану, т. е. фактически превратить Триест в плохо-прикрытую провинцию Югославии, а, затем, после подписания договора, заставить американцев и англичан убраться из Триеста, то разоруженная по договору Италия останется «с глазу на глаз» с вооруженной до зубов и агрессивной титовской Югославией. Что тогда останется от «свободного» Триеста, догадаться не трудно.

Когда Греция и Триест падут, Сталин будет стоять на границе Италии у ворот Рима, и тогда Адриатическое море станет «советским», а переход всего восточного бассейна Средиземного моря под «советскую руку» будет зависеть от исхода второй волны советского наступления, — на этот раз на Турцию, с целью вырвать у последней те уступки, которых Сталин добивается, и ради достижения которых он, в зависимости от международной обстановки, пойдет так далеко, как только можно. Почва в Иране и в арабском мире уже подготовлена.

Планомерно, с точным учетом сил, с нечеловеческой настойчивостью и упорством, пуская в ход все средства и пути, наступает на «капиталистический мир» советская дипломатия и ее вспомогательные от-

ряды — коммунистическая и про-советская «пятая колонна» в демократических странах.

С большими трудностями, робко, с оглядкой во все стороны, без смелости и воображения, стала за последнее время налаживаться оборона. Она нигде и ни разу не перешла в действительное контр-наступление, которое не только на войне является часто единственно-действительным методом обороны. Ни один из западных дипломатов не решился, в ответ на демагогические декларации прожженного коминтерновского агитатора Мануильского, ответить уничтожающим контр-обвинением против тех поистине потрясающих, совершенно гитлеровских зверств и методов подавления, которые проводятся коммунистическими диктатурами не только в самой Сов. России (см. корреспонденцию о Печорском концлагере в этом номере), но и в Титовской Югославии, Димитровской Болгарии, Грозовской Румынии, Бирутовской Польше. Что бы ни думать о терроризме греческих монархистов или об отвратительном режиме Франко в Испании, всякий честный человек должен будет признать, что все это совершенно бледнеет по сравнению с тем, что делается в странах «подлинной демократии». Никто из западных дипломатов и министров иностранных дел не имел мужества это сказать, — ни на Парижской Конференции, ни на заседаниях Совета Безопасности на озере Суксес под Нью Иорком. А, между тем, это был бы единственный способ вставить в правильную рамку тот исторический спор, который сейчас ведется на международной арене между тоталитарным «социализмом» Сталина и капиталистической демократией.

Тем не менее, самооборона демократических государств стала крепнуть перед лицом все острее надвигающейся опасности новой тоталитарной агрессии, исходящейся на этот раз не из Берлина, а из Москвы. Демократическому блоку все еще не удалось вырвать инициативу из рук Москвы; динамичность Кремля все еще продолжала предписывать «законы действия» западным державам. Но лейбористская Великобритания с ее социалистической внутренней политикой, с ее новой внешней политикой, порвавшей, несмотря на отдельные отступления, с традиционным «британским империализмом», сумела сгруппировать вокруг себя ряд более мелких демократических стран и, по крайней мере, в пределах международных конференций, если и не всегда на реальной мировой арене, поставить предел экспансии советского (или, как его, иногда, зовут: «славянского») блока.

Но Англия была в состоянии добиться этого частичного дипломатического успеха только благодаря мощной поддержке Соед. Штатов Америки, которые, через эпоху первоначальных колебаний и период разбитых иллюзий, доработались до сознания необходимости более твердой политики по отношению к России и более тесного сотрудничества с Великобританией.

Но как раз в самый критический момент, когда международные конференции и заседания стали как будто приближаться к концу, в Соед. Штатах стали происходить процессы, которые грозят опрокинуть с трудом наладившееся равновесие сил и вырвать из демократического блока его краеугольный камень, — промышленную, финансовую и военную мощь Соединенных Штатов Америки. Внешним проявлением этого рокового процесса явилось выступление Генри Уоллеса, Секретаря Торговли в кабинете Трумана. Его речь, произнесенная на массовом митинге коммунистов и левых в Мэдисон Сквер Гарден 12 сентября, нанесла тяжелый, а может быть, и непоправимый удар той политике, которую статс-секретарь Бернс, официально ответственный за внешнюю политику С. Ш. А., проводил за последние месяцы, казалось бы, с полного одобрения президента. Генри Уоллес, мистически-христианский пацифист и радикал, потребовал соглашения с Россией на основе раздела мира на сферы влияния. Пусть Америка перестанет «путаться» в европейские дела и пред'являть какие-то политические требования к СССР, и тогда и Россия перестанет путаться в наши дела, — таков был лейт-мотив уоллесовского выступления. На самом собрании эта речь вызвала протесты и шикание со стороны коммунистов, не разобравшихся сразу в об'ективном значении этого лозунга, но она встретила, конечно, полное одобрение Москвы. Нет никакого сомнения, что по своей основной тенденции рекомендуемая Уоллесом политика является рецидивом изоляционизма.

Проклятие изоляционизма тяготеет над американской политикой со времени первой мировой войны. Изоляционизм отнюдь не всегда диктуется «правыми» соображениями, как это было в годы гитлеризма. И за времена Вильсона, и за всю эпоху 1919—1939 г.г. был обширный сектор американской общественности, — не только обывательской, но и политической, — который изоляционизм связывал с пацифистскими и лево-демократическими мотивами. Казалось, что нынешняя страшная война окончательно убила изоляционизм, но его традиции и навыки, повидимому, продолжали тлеть где-то в глубине.

Не подлежит сомнению, что Уоллес в известном смысле играет роль «троянского коня», — хотя сам он себя, конечно, искренно считает «рыкающим львом» американской демократии и единственным достойным продолжателем рузвельтовской политики. По словам такого осведомленного журналиста, как Стюарт Алсоп, — Уоллес за последний год плотно окружен стеной совершенно определенных коммунистов и про-советских людей. Но это лишь деталь: влияние Уоллеса и его нынешних выступлений строится на той поддержке, которую он, повидимому, получает от «машины» демократической партии: выборы на носу, и за голоса левых рабочих организаций, следующих за Си-Ай-О, надо платить демагогическими лозунгами «дружбы» и «сближения» с Сов. Россией...

Чем кончится борьба внутри демократической партии, — сказать сейчас еще трудно. Президент уговорил Уоллеса не выступать больше по вопросам внешней политики до конца парижской конференции. Но по сообщениям достоверных корреспондентов из Парижа, позиция Бернса уже пошатнулась, и вся дипломатическая машина парижской «мирной конференции» фактически парализована.

Краеугольный камень демократического блока — Соед. Штаты Америки, — зашатался. Если он не будет во время и прочно укреплен, то это может иметь самые роковые последствия для дела мира и для всего будущего развития человечества. Чем слабее окажется сопротивление демократии большевистской экспансии, чем больше надежд будет у Сталина на «вбитие клина» между Англией и Соед. Штатами, тем более поражающим окажется мир, и тем вернее грянет гром нового и страшного мирового конфликта.

С. ШВАРЦ

ГЕРМАНИЯ, ЕВРОПА И МИР

Война давно кончилась, а мира все нет и нет. Сейчас, почти через полтора года после окончания войны в Европе, еще только вырабатываются условия мирных договоров, которые будут продиктованы ряду второстепенных стран, а разработка мирного договора с Германией еще даже не начата. В течение многих месяцев после победы державы-победительницы оставались во власти фантастической идеи, что восстановление Европы возможно без разрешения вопроса о судьбе Германии, что этот последний вопрос можно будет решать отдельно и как-нибудь после. Постепенно, однако, всем начало становиться ясным, что ни одна из европейских стран не может вернуться к сколько-нибудь нормальным условиям существования и с полным успехом работать над восстановлением своего хозяйства и залечиванием тяжелых ран, нанесенных войной, пока в центре Европы большое государство — или, может быть, бывшее государство? — связанное в прошлом тысячью нитей с хозяйством всех европейских стран, гниет на корню, не живет и не умирает, оставаясь без правительства, в полном неведении о своем будущем; что интересы европейского (и неизбежно и международного) мира требуют ясного решения вопроса о судьбе Германии. Но по мере того, как рассеивались или смягчались шовинистические настроения, порожденные войной, в общественном сознании стран-победительниц начала упрочиваться и другая мысль: что по вопросу о будущем Германии должно быть найдено решение, отвечающее и жизненным интересам немецких народных масс, что как ни чудовищны преступления гитлеровской Германии, они не могут служить оправданием для политики уничтожения или порабощения немецкого народа. И больше: что только такое решение, которое как-то обеспечит и элементарные жизненные интересы немецкого народа, откроет возможность прочного восстановления и замирения Европы.

Основы для трудного, но в общем разумного решения этого вопроса — сейчас, в свете опыта последнего года, это кажется почти невероятным — были заложены еще в прошлом году на Потсдамской конференции «большой тройки». Они были формулированы в той части Потсдамских решений, которая носит обязывающее название: «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период». «Принципы» эти наметили прежде всего широкую программу денацификации и демилитаризации Германии. Эта репрессивная и в общем бесспорная часть Потсдамской программы еще кое как осуществляется. Но на несравненно большие трудности наталкивается осуществление общеполитических и экономических «принципов», намеченных в Потсдаме. Сейчас полезно их напомнить (цитирую по официальному русскому тексту в «Известиях» от 3-го августа 1945 года):

В течение «начального контрольного периода» в Германии «не будет учреждено никакого центрального германского правительства», и обязанности центрального правительства примет на себя Контрольный Совет союзников. Но уже сейчас «будут учреждены важные **центральные германские административные департаменты**, возглавляемые государственными секретарями, в частности, в области финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности». «Управление в Германии должно проводиться в направлении децентрализации политической структуры и развития на местах чувства ответственности», «местное самоуправление будет восстанавливаться по всей Германии на демократических началах»»», «во всей Германии должны разрешаться и поощряться все демократические политические партии с предоставлением им права созыва собраний и публичного обсуждения» и населению будут обеспечены «свобода слова, печати и религии» и «будет разрешено создание свободных профсоюзов». Все это, конечно, «с учетом необходимости поддержания военной безопасности».

В экономической области формулированные в Потсдаме принципы предусматривали, что «в период оккупации Германия должна расматриваться, как **единое** економическое целое; с этой целью должна быть установлена «общая политика» по вопросам промышленности, сельского хозяйства, зарплаты, распределения, внешней торговли, денежной и банковской системы, транспорта, репараций и устранения военно-промышленного потенциала. При этом союзный контроль одной из своих целей ставит «обеспечение» промышленного и сельскохозяйственного производства, необходимого «для поддержания в Германии среднего жизненного уровня, не превышающего средний жизненный уровень европейских стран», и «обеспечение равномерного распределения основных предметов между различными зонами с тем, чтобы создать сбалансированную экономику во всей Германии и сократить необходимость в импорте».

Необходимость уплаты Германией репараций не вызывала, конечно, в Потсдаме сомнений. Но в принятых в Потсдаме решениях многое явно не договорено, соглашение между союзниками оставалось здесь явно неполным. Все же в качестве общего принципа было принято, что «после оплаты репараций германскому народу должно быть оставлено достаточно рессурсов для того, чтобы он мог существовать без помощи извне», и что «выручка от экспорта продуктов текущего производства и товарных запасов идет в первую очередь для оплаты импорта».

Совсем иной характер носили принятые в Потсдаме решения по территориальным вопросам. Прежде всего конференция одобрила прямую аннексию Советским Союзом Кенигсбергского района. Правда, территория эта была передана СССР формально лишь «впредь до окончательного решения территориальных вопросов при мирном урегулировании», но Великобритания и Соединенные Штаты одновременно обязались в Потсдаме «поддержать это предложение при предстоящем мирном урегулировании». Далее «большая тройка» передала «под управление Польского гсударства» всю Восточную Германию до Одера и Нейссы. И на этот раз с оговоркой: «до окончательного определения западной границы Польши» на мирной конференции. Но — в отличие от решения о Кенигсбергском районе — союзники не приняли на себя обязательства поддержать на мирной конференции в полном об'еме аннексию Польшей Восточной Германии. — В обоих случаях,

кстати, речь шла о территориях, находившихся в это время под советской оккупацией, что чрезвычайно укрепляло в этом вопросе Сталина в его переговорах с Труманом и Черчиллем-Эттли.

Эти решения Потсдамской конференции по территориальным вопросам, и сами по себе — с точки зрения элементарных демократических принципов — совершенно незащитимые, чрезвычайно усилили аннексионистские настроения во Франции. Очень влиятельные французские круги давно уже отстаивали требование присоединения к Франции Саарской области и то ли присоединения и левого берега Рейна, то ли интернационализации всего Рейнско-Вестфальского района (с Рурской областью). Франция в Потсдаме не была представлена и настаивать на своих территориальных требованиях не могла. Вынесенные в Потсдаме решения, передвинувшие далеко на запад восточную границу Германии и сосредоточившие на уменьшенной германской территории огромное население, еще более усилили во Франции настроения в пользу обеспечения безопасности Франции путем передвижения к востоку западной границы Германии. Настроения эти поддерживаются сейчас во Франции всеми партиями и правого, и умеренного, и левого толка (включая и коммунистов), за единственным исключением социалистической партии.

Осуществление намеченной в Потсдаме программы с самого начала натолкнулось на громадные трудности. Советский Союз отгородил свою зону «железным занавесом», и советский представитель в Контрольном Совете энергично боролся против всех шагов к обеспечению экономического единства Германии и к созданию общей для всей Германии немецкой администрации. В этой политика саботажа Потсдамских решений Советский Союз был фактически поддержан Францией, рассчитывавшей таким путем добиться от союзников признания ее территориальных требований. Контрольный Совет месяцами топтался на месте и четыре оккупационных зоны жили фактически каждая своей жизнью. Советская зона, с преобладанием в ней сельского хозяйства, еще как-то могла в этих условиях существовать. Более индустриализованные западные зоны жестоко голодали, и лишь привоз продовольствия из-за моря несколько смягчил этот голод. — Кстати, это дорого обошлось и союзникам: первый год оккупации Германии стоил Соединенным Штатам 200 миллионов долларов и Великобритании 80 милл. фунтов (320 миллионов долларов). — «Демократизация» Германии в восточной зоне протекала под жестоким прессом Наркомвнудела с явным рассчетом в короткий срок фактически создать в восточной зоне Германии режим полицейско-партийной диктатуры по советскому образцу. В западных зонах оккупационные власти долго лелеяли наивную мысль: сначала «перевоспитание» под руководством оккупационных властей, а потом демократизация, и даже вступив на путь демократической политики, постоянно оглядывались на немецкие клерикальные и прочие мало надежные с демократической точки зрения круги, колеблясь перед вступлением на путь решительной и последовательной демократической политики, которая прежде всего должна была бы ориентироваться на поддержку социал-демократии и профсоюзов.

Так продолжаться без конца не могло. Это постепенно стало ясно всем. Безнадежное состояние Германии давило тяжелой гирей на всю Европу. Задача восстановления демократической Германии и ее экономического единства начала осознаваться, как одна из основных задач большой европейской политики.

В мае 1946 года американское правительство сделало первую энергичную попытку ускорить решение германской проблемы. Оно предложило правительствам СССР, Великобритании и Франции заключить между четырьмя странами договор на 25 лет о взаимных гарантиях демилитаризации Германии. Заключение союзниками этого договора должно было бы очень скоро привести к прекращению режима оккупации и к замене его значительно более мягкой «системой инспектирования» с возможным применением союзниками — в случае нарушения Германией условий демилитаризации — военных и иных репрессалий (под контролем Об'единенных Наций).

Молотов на заседании Совета Министров Иностранных Дел, в Париже, 10 июля выступил с програмной речью, в которой решительно отверг американский проект. Режим оккупации должен продолжаться в течении многих лет, пока не только будет осуществлена димилитаризация, но и пока не будет закончена уплата репараций. Роль германского правительства еще долго должен будет выполнять Контрольный Совет союзников, и Молотов категорически отверг в своей речи мысль о возможности образования в близком будущем германского правительства. Но «само собой разумеется, что мы не возражаем против создания центральной германской администрации, как переходной меры к созданию будущего германского правительства», способного «выполнить обязательства Германии перед союзниками и прежде всего выполнить репарационные поставки союзникам». «Но даже тогда, когда будет создано германское правительство, потребуется ряд лет, чтобы проверить, что представляет собою новое правительство Германии и заслуживает ли оно доверия». «Только тогда можно будет серьезно говорить о заключении мирного договора с Германией» (цитирую по тексту речи Молотова в «Правде» от 11 июля).

Молотов апелирует здесь к естественным опасениям, разделяемым широкими демократическими кругами в разных странах, опасениям, что слишком быстрое восстановление самостоятельного германского правительства будет использовано притаившимся гитлеризмом и что германское правительство станет игрушкой в руках германского агрессивного национализма, который сумеет искусно использовать противоречия между союзниками и создаст новую страшную угрозу миру. Эти опасения нельзя так просто оттряхнуть, но бороться с ними можно, лишь лелея и взращивая те ростки демократизма, которые начинают пробиваться на немецкой почве. Но именно этого то и боится Молотов. Поэтому «Центральная германская администрация», против которой Молотов «не возражает», отнюдь не должна вырасти из сложившихся на местах провинциальных демократических правительств. Молотов — представитель Советской федерации — принципиально возражает против «федерализации» Германии. Он нелогичен, но с своей точки зрения прав: чем централистичнее будет сейчас германская администрация, тем больше шансов, что советские марионетки из восточной зоны при поддержке коммунистов из западных зон смогут оказать решающее влияние на всю систему государственного управления и в советской, и в западных зонах. Но это, конечно, путь не к демократизации Германии, а к превращению ее в игрушку советской бюрократии.

В рамках этой политики Молотов готов поддержать мысль о предоставлении Германии возможности вос-

становить свою промышленность более широко, чем это намечалось в более ранних решениях союзников. Но при непременном условии: важнейшая часть английской оккупационной зоны — Рурская промышленная область — должна быть из'ята из английского управления и передана в совместное управление четырех великих держав. Когда-то — на Ялтинской конференции — мысль о совместном союзническом управлении Германией энергично отстаивалась Черчилем и Рузвельтом, но была оставлена, так как Сталин категорически потребовал создания раздельных зон. Сейчас, когда консолидация советской зоны в Германии близится к завершению, Молотов — для Рурской области — возвратился к мысли о совместном управлении, чтобы иметь возможность наложить руку на промышленную жемчужину западной Германии. Это, повидимому, сейчас заветная мысль Кремля: Молотов повторил в своей речи это требование пять раз!

Вся речь Молотова была пропитана теми «оккупационными» настроениями, которые до сих пор — часто вопреки духу потсдамских решений — фактически господствовали в германской политике всех союзников и привели и эту политику, и политику европейского восстановления и замирения к тупику. Но речь Молотова имела одно большое достоинство: проблема Германии была поставлена в ней в полном об'еме. И она требовала ответа.

6-го сентября в Штутгарте государственный секретарь Соединенных Штатов Бернс выступил с речью, в которой наметил **новую** американскую программу германской политики. Правда, почти все ее элементы можно найти в более ранних документах и заявлениях американского правительства, но разрозненные они бессильны были сломить оккупационную рутину. Сейчас, приведенная в систему, программа эта всюду была воспринята, как решительный поворот в германской политике Соединенных Штатов.

В основном это возврат к тем принципам, которые возвещены были в Потсдамских решениях, и развитие и частью ревизия этих принципов в интересах упрочения демократии и мира. Через всю речь красной нитью проходит мысль, что целью оккупации является лишь обеспечение демилитаризации и денацификации Германии, но отнюдь не создание барьеров между замкнутыми экономическими и политическими территориями и не длительная опека над Германией. «Оккупация не имела своей целью установление продолжительной иностранной диктатуры над германской экономикой в мирное время или над политической жизнью Германии». Нужно обеспечить возможность экономического единства и экономического восстановления Германии в формах и масштабах, не противоречащих задачам демилитаризации, и необходимо восстановление и политического единства Германии и создание в близком будущем демократического немецкого правительства. Таким правительством должен быть Германский Национальный Совет, составленный из демократически избранных премьер-министров и других высших официальных лиц штатов и провинций, сформированных во всех четырех зонах. К созданию такого Совета, к предоставлению немецкому народу — «с соблюдением необходимых гарантий» — вести за собственной ответственностью свои внутренние дела нужно приступить уже «теперь», вновь и вновь подчеркивал Бернс. Германский Национальный Совет должен выработать проект федеральной конституции для Германии, который, после утверждения его «в принципе» Союзным Контрольным Советом, должен быть окончательно редактирован специально избранным парламентом и утвержден народным референдумом.

Бернс подробно говорил и о территориальных вопросах: о территориальных изменениях на востоке Германии в духе Потсдамских решений (см. выше); о западной Германии в духе компромисса с французской точкой зрения. Бернс поддержал идею передачи Саарской области Франции, но отверг мысль об отделении или интернационализации Рейнской и Рурской областей. Принципиально оправдать отделение Саарской области от Германии трудно. Во имя соединения Лотарингской железной руды с Саарским углем Бисмарк в 1871 году настоял на присоединении Лотарингии к Германии. Союз этот никогда не был прочным. Удастся ли теперь примирить Саарское население с Францией и тем предупредить отлив после замирения Европы Саарской молодежи в Германию и упадок Саарского угольного района, сказать сейчас невозможно. Собственных горняцких кадров у Франции недостаточно, и присоединение Саарской области к Франции и с чисто экономической точки зрения может оказаться ошибкой.

Но это относительно частность. Важна общая установка Бернса. «Свобода, в которую американцы верят и за которую боролись, должна быть свободой для всех, кто уважает свободу других». На этом мы будем стоять твердо, подчеркнул Бернс: «Я не хотел бы недоразумений. Мы не отступим перед своим долгом. Мы не уйдем. Пока оккупационные силы будут нужны в Германии, армия Соединенных Штатов будет составлять часть оккупационных сил». «Мы не повторим ошибки» 1919 года. Возврата к изоляционизму не будет, не будет во имя мира — не «жесткого» или «мягкого» мира, а во имя «прочного». «Не в интересах германского народа и не в интересах всеобщего мира, чтобы Германия стала пешкой или участником в военной борьбе между Востоком и Западом».

Борьба за европейский мир вступает в новую фазу.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Центральный орган
Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

ОСНОВАН

Л. МАРТОВЫМ

Выходит с февраля 1921 года

Адрес редакции и конторы:

7 East 15th St., Room 401, New York 3, N.Y.

Подписная плата:
за год — 3 доллара
за пол года — 1½ доллара
за три месяца 75 сентов
отдельные номера по 25 сентов.

Д. ДАЛИН

НАЗАД К ПОЛНОКРОВНОМУ СТАЛИНИЗМУ

Министры увольняются со своих постов; редактора местных газет сменяются; директора заводов предаются суду; генералы и адмиралы исчезают из поля зрения; местные партсекретари и сотни предсельсоветов выгоняются и заменяются другими. Начиная с 26 июля 1946 года, когда Центральный Комитет вынес свое постановление «О росте партии», чистка нарастает, развивается, захватывает все новые сферы администрации и превращается в центральную проблему всей внутренней политики.

Официально она не называется чисткой. В отличие от чистки 30-х годов, сейчас отсутствует подлежащая искоренению политическая группа, с отчетливой платформой, с ясной оппозиционной линией по отношению к сталинизму. Но уже и борьба с троцкизмом и «правой опасностью» была лишь формулой и ширмой, за которой скрывалась расправа с десятками тысяч нефракционных, но и ненадежных элементов. В настоящее время, фракций нет, но зато ненадежных элементов еще больше, чем было десять лет назад, и удаление их с постов является предпосылкой осуществления сталинской политики. Идет сейчас не одна, а множество чисток, — под каким-бы ярлыком они ни проводились.

***

Вынужденная эволюция, которую советский строй проделал с июня 1941 года, была систематическим и расчитанным отступлением — отступлением в идеологии, в экономике, во внешней политике. До некоторой степени, оно было продолжением того процесса, который начался уже в середине 30-х годов, но который пошел быстрым темпом после начала советско-германской войны. Отступление внутри было необходимо для успешного военного наступления. Отступление дало свои результаты. И война была выиграна потому, что на протяжении более четырех лет законченный, полнокровный сталинизм уступил, казалось, место какому-то невиданному и неожиданному всенародному движению под руководством реформированной сталинской власти. В формуле «отечественной войны» народу слышалось смутное обещание больших уступок. В термине «национального дела» сквозила аппеляция к большинству, в противовес власти меньшинства. В восхвалении старой армии и ее вождей население видело некое примирение власти с прежде чуждым ей элементом. «Политическое воспитание» во время войны больше занималось Суворовым, Кутузовым, Брусиловым и Макаровым, чем Марксом, Энгельсом и Лениным. На колени обязан был опускаться каждый красноармеец перед гробом старого фельдмаршала; это опять-таки воспринималось как готовность власти итти навстречу каким-то чаяньям всерьез и надолго. О классовой борьбе пресса и ораторы молчали. О мировой революции им говорить было запрещено. Противоставление капитализма и коммунизма исчезло. Коминтерн был распущен и диктатура пролетариата повидимому забыта.

Во всем мире не только про-советские подхалимы, но и множество честных и серьезных людей вообразило, что перевернута новая страница русской истории и что, лишь только кончится война, советское правительство вступит на путь «примирения с народом». Более важно, что эти надежды за-границей отражали широко распространенные ожидания и чаяния внутри страны. Внутри страны ожидали, что после избавления от военной опасности «национальная задача» потребует сосредоточения всего внимания на внутреннем строительстве и на улучшении условий жизни; что если будет строиться «социализм в одной стране», то он свободен будет от бремени милитаризма, и что если введена будет новая пятилетка, она будет построена на совершенно новых началах, чем все предыдущие.

Эти ожидания имели тем большее значения, что четыре года войны переворошили страну сверху донизу. Более четырех миллионов человек было принято за военные годы в ВКП, большей частью молодежь, получившая свое первое политическое воспитание под грохот пушек и под музыку «национальных» лозунгов. Война кончилась, но целая группа народных вождей — новые маршалы и генералы — приобрели большую славу, чем иной член Политбюро. Красноармейцы возвращались домой, постепенно демобилизовались и офицеры, и среди всех их было много коммунистов. Очень скоро они уже втягивались в аппарат власти. Но эти новоиспеченные коммунисты, награжденные партбилетом за военные услуги, приносили с собой странный идеологический багаж, совершенной новый для компартии и для советского аппарата. Они, эти бывшие офицеры и рядовые, думали: Пришел конец чудовищному напряжению, и страна сможет отдохнуть; сможет выйти из землянок, одеться и обуться и зажить достойной человека жизнью. Кончилось страшное напряжение и некие, смутно ощущаемые, права человека и гражданина сделаются достоянием народа. Старому нажиму и прижиму не будет больше места. Кончилось напряжение, и возможно будет выбирать органы народной власти и не обязательно будет тянуть далее колхозную или иную лямку.

***

В Куйбышевской области, до которой немцы и не доходили, происходило — жалуется «Большевик» — «ослабление колхозов» и крестьяне «стали уделять личному хозяйству больше внимания». Точно такое-же «ослабление колхозов» происходило в другом неоккупированном районе — в Узбекистане. Что это ослабление колхозов, может быть, доходящее даже до распада колхозов, приобрело очень широкий характер, подтвердил лишь теперь тот-же «Большевик», призывая к борьбе с «частной собственностью среди крестьян». «Есть отсталые элементы среди колхозников — пишет он — в сознании которых сильны еще остатки системы частного хозяйства», и он зовет к борьбе с «ворами колхозной собственности и дезорганизаторами колхозного производства». Особенно быстрым был распад колхозов, конечно, в районах, оккупированных немцами. Но за два примерно года после освобождения новая администрация далеко не везде сумела восста-

В. АЛЕКСАНДРОВА

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

СУРОВЫЙ КУРС

В среде советских литераторов началась новая чистка. Первыми об'ектами чистки стали журналы «Ленинград» и «Звезда» и Ленинградское отделение Союза писателей, первыми жертвами — Анна Ахматова и Михаил Зощенко. Лиха беда начало: за недостаточную бдительность смещен с поста председателя Союза писателей Николай Тихонов, сделаны предупреждения Борису Пастернаку, многим драматургам и деятелям театра и кино. Новый курс не щадит и республиканские и областные отделения Союза писателей. Инициатива репрессий открыто исходит от ЦК ВКП. Аргументы, приведенные в обоснование закрытия старейшего журнала «Ленинград» и исключения из Союза писателей Ахматовой и одного из пионеров советской литературы Зощенко, поражают своей нарочитой небрежностью, словно подсказывая публике мысль: дело не в конкретных обвинениях, а в чем-то другом. Творчество Ахматовой об'являетcя «салонным» и «безыдейным», и в то же время оказывается, что ее произведения вносят «идеологический хаос» в умы советской молодежи. Ахматова и Зощенко обвиняются в «преклонении перед буржуазной культурой, столь ненавистной нашему народу» и т. д. Повидимому, авторам репрессий было важно наметить очередных «виноватых стрелочников», а формулировку обвинений против них можно было предоставить дежурному Пришибееву, «не освещенному» — говоря словами Зощенко — в литературных делах.

В первый период советско-германской войны под влиянием тяжелых поражений Красной Армии компартия свернула свое партийное знамя, и война велась, как народная война, в которой народ отстаивал свою свободу и независимость от внешнего врага. Но настроения официальных кругов резко стали меняться, когда после разгрома немцев под Сталинградом замаячила перспектива победоносного завершения войны. Тогда, сперва исподволь, потом все громче и настойчивее, начала разрабатываться совершенно новая концепция первого периода войны. По этой концепции выходило, что компартия и правительство ни на минуту не растерялись, что отступление Красной Армии в 1941-1942 годах, включая и огромные территориальные потери и миллионы русских пленных, даже входило в «план» военного руководства и имело своей целью «изматывание» сил противника.

История со статьей Ф. Панферова, о которой речь шла в предыдущем номере «Соц. Вестн.», достаточно красноречиво говорит о том, что за последнее время эта новая концепция стала обязательной и вошла в политграмоту послевоенного периода. Существенно в этой концепции утверждение, что нельзя «механически» делить войну на два периода: война едина и неделима, как неделима самая победа, одержанная, благодаря «преимуществам советского строя» и «гениальному руководству Сталина». Эти же мысли легли и в основу новейшей публицистики. Ее основная задача — как можно скорее вытравить из памяти современников те помыслы и надежды на грядущие после войны перемены, которыми жила страна в годы страшных испытаний, и которые нашли такой отклик в литературе первых лет войны. — Перемены? Но какие нужны перемены, когда война выиграна именно благодаря «преимуществам советского строя»? Самое ожидание таких перемен — более чем подозрительно. Сама мысль о необходимости каких-то перемен — крамольна. Те писатели, которые, как Панферов, обладают несчастным свойством хорошей памяти, становятся подозрительны по «оппозиции». Победа одержана,— жизнь продолжается».

Поверим на минутку советским публицистам, что «жизнь» и впрямь «продолжается» и вернемся к довоенному периоду, который сейчас в официальных писаниях стал окутываться розовой дымкой. Лишь незадолго до начала 2-й мировой войны закончилась гигантская чистка всего хозяйственного, административного и партийного аппарата, тесно связанная с Московскими процессами 1936-1938 годов. Обстановка этой чистки, во время которой печать запестрела обвинениями по адресу огромного числа дотоле весьма почтенных партийцев в измене и трусости, грозила в конце концов основательно подорвать авторитет компартии в стране. Наверху спохватились и дали отбой. Началась пресловутая эра «замирения» с интеллигенцией. «Замирение», конечно, не с памятью расстрелянных, не с оклеветанными и сосланными в политизоляторы и концлагеря. Стал осуществляться тот «союз коммунистов с беспартийными», о котором, как о единственном выходе из тупика мечтал в 1925 году позже сам оклеветанный как «злостный враг народа», Борис Пильняк («Машины и волки»). Основной темой публицистики стало, что самое тяжелое — не только в материальном, но и в моральном отношении — теперь уже позади, впереди — эра «счастливой жизни». Были ослаблены и даже вовсе прекратились нападки на дореволюционных писателей за их «буржуазность»; разрешение вернуться из эмиграции на родину получил А. Куприн; после 20-летнего замалчивания Анны Ахматовой был выпущен однотомник избранных ее стихотворений; было даровано признание М. Пришвину. Такие жесты воспринимались затюканной писательской общественностью, как масличная ветвь, как благая весть о близком конце эпохи безграничного произвола.

За фасадом толков о «счастливой жизни» шла кропотливая переоценка и переосмысливание «заветов Октября». Хотя «Октябрь» оставался официальной святыней, многое из его идейного содержания было выброшено в мусорный ящик истории и признано вредным. Среди вредных идей на первом плане был «интернационализм», пораженческая позиция в 1-й мировой войне, отношение к браку и к семье, к русскому историческому прошлому и т. д. Ревизия шла успешно. Успеху ее помогало и то, что большинство вождей Октября и активных деятелей первых лет были расстреляны. Немногие уцелевшие при этом моральном разгроме, как Ленин и, особенно, Сталин, — представлены в новом виде, в качестве добродушных, мягких, трогательно любящих детвору учителей и наставников жизни

(фильм «Ленин в Октябре», пьеса «Кремлевские куранты» Погодина и др.).

Но хотя большинства активных сподвижников Октябрьской революции уже не было в живых, в стране продолжали жить многочисленные живые свидетели ее, миллионы того поколения, которое воспиталось на идеологии Октябрьской революции. Жив был и другой «свидетель» — художественные произведения первого десятилетия после Октября, верно отразившие думы, мечты и иллюзии эпохи великого перелома русской истории. Было очевидно, что очередь дойдет и до них. Но тут грянула война...

В первый период обе эти черты наметившейся еще до войны политики «замирения» продолжали развиваться. В литературе они нашли свое выражение в нашумевшей статье Ал. Толстого: «Четверть века советской литературы». Толстой не ограничился в этой статье резкой характеристикой «РАППовского периода» советской литературы, но занялся переоценкой и многих из ее пионеров, в частности, М. Зощенко. Сатира этого писателя, по мнению Толстого, родилась в атмосфере противоречий нэпа, когда внутри страны шел еще спор «кто кого?»; «нэповский красный купец — это смешная и жалкая каррикатура на европейского буржуа, это — жуликоватый, увертливый приспособленец, раскинувший свою жалкую палатку среди лагеря суровых солдат, отдыхающих между двумя боями». Зощенковская «лукавая, умная, прелестная проза» высмеивает и жалеет «героя-обывателя». Вчера еще этого героя можно было встретить и в трамвае, и на кухне, но «история шагает стремительными шагами» — сейчас, по мнению Толстого, его уже нет в жизни. Но нет в этой жизни не только «обывателей». Толстой замахнулся шире: касаясь эпопеи М. Шолохова «Тихий Дон» и всячески расшаркиваясь перед художественными достоинствами этого произведения, Толстой прозрачно намекал: «От Мелехова до воина Красной Армии, бросающегося со связкой гранат под вражеский танк, чтобы подорвать его своим телом — не протянуть генетической линии. Григорий Мелехов — только жертва, погибшая в противоречиях исторического процесса». Кстати, Шолохов своим романом: «Они сражались за родину» убедительно опроверг эти домыслы Ал. Толстого: в Шолоховских сержантах и лейтенантах читатель без труда узнает кровных детей Григория Мелехова. — Толстой воспользовался 25-летием советской литературы, чтобы популяризовать несколько своих любимых идей. В дореволюционной литературе Толстой любил не «униженных и оскорбленых» с их «сладкой российской бездеятельной тоской», — его любимцы: «простые, отважные, честные русские патриоты — Гриневы, Тушины, Денисовы, герои 'Севастопольских рассказов', 'Войны и мира'. Эта линия русской литературы протягивается к Сталинграду, к тем героям Красной Армии, которым изумляется мир».

Приглушенная событиями войны переоценка идеологии Октябрьской революции, частично все же продолжалась. В первые два года под влиянием тяжелых испытаний контроль компартии над литературой был несколько ослаблен; но в одном отношении этот контроль не только не ослабел, а даже усилился: нельзя было писать о первых годах Октябрьской революции. Резкое осуждение встретили две попытки: повесть М. Зощенко: «Перед восходом солнца» и трилогия К. Федина: «Горький среди нас» были взяты в штыки именно потому, что в них художественно правдиво запечатлены существенные и неповторимые черты в психологии юных современников конца 1-й мировой войны и начала революции.

После войны эта тенденция — вытравить из памяти новой России воспоминание о начале Октябрьской революции — еще усилилась. В «Соц. Вестнике» в статье «Адвокаты конформизма» (№ 3 за текущий год) был отмечен очерк А. Аникста: «Наша литература», в котором автор пытался в обзоре советской литературы свести на нет первое десятилетие революции.

«Жизнь продолжается», но опыт войны заставил компартию внести существенные коррективы в ту политику, глашатаем которой был Сталинский «либерал» Ал. Толстой, пытавшийся привести к подножию диктатуры своих любимых героев «Хождения по мукам» — «скромных, честных русских людей». Взбаламученная страшными потрясениями, обнищавшая после военных испытаний страна полна глухого недовольства и жажды нового. Политика «либерализма» становится в этих условиях опасной для диктатуры. Роль компартии во всех областях жизни систематически усиливается и в самой компартии происходит глубокая перестройка, имеющая целью еще более упрочить диктатуру партийного аппарата над партией в целом. Пересмотр прошлого, наметившийся до войны, продолжается сейчас на новой суженной основе. «Либерализм» умирает. Но и «Октябрь», и героический период революции отходит в историческую даль. Это какая-то смутная «предистория». Подлинная история начинается со смертью Ленина, с начала восхождения Сталина на вершины власти. История революции — это история формирования и упрочения Сталинской диктатуры.

В напряженной атмосфере современности опасны не только живые свидетели и летописцы первых лет революции, но и скромные честные интеллигенты, продолжающие традицию дореволюционной интеллигенции. Не ко двору не только Зощенко и вся плеяда писателей, запечатлевшая начало революции. Держать в повиновении глухо кипящий общественный котел могут только люди, кровно спаянные с диктатурой и со Сталиным.

Новая программа для писателей и художников уже об'явлена. В начале августа на экран выпущен новый фильм «Клятва» (сценарий П. Павленко). Ни один фильм, ни одно художественное произведение со времени начала революции не были встречены с такой торжественностью и помпой. Целые страницы «Правды» и «Известий» полны статей об этом несравненном произведении советского искусства. За несколько дней 800 тысяч москвичей смотрело фильм, он уже разослан по всем крупным городам Союза. Содержание фильма несложно: Умер Ленин. Зима. По заснеженной аллее в Горках ходит Сталин, останавливается у скамейки, на которой он сидел с Лениным, плачет. Затем Сталин — Сталин-мудрец — показан в своем рабочем кабинете и на похоронах Ленина на Красной площади, произносящим знаменитую «клятву». В это время из далекого Царицына приезжает работница Варвара Петрова, мужа которой убили «враги». Она везла письмо мужа к Ленину, но Ленина уже нет. Со словами: «Возьми. Сегодня ты — наш Ленин» — она передает письмо Сталину. Содержание фильма построено на перемежающихся эпизодах из жизни семьи рабочего Петрова и Сталина и из истории Советского Союза с 1924 по 1945 год. Сталин всюду. Это он провел страну через годы индустриализации, сквозь страшную войну — к победе.

Пересмотр «заветов Октября» завершается не смягчением режима, а лихорадочной работой над обожествлением Сталинской диктатуры.

Ю. ДЕНИКЕ

БОРЬБА МИРОВ

1.

Несколько месяцев тому назад в Москве вышел под
заглавием «О родине» сборник избранных стихотворе-
ний А. Блока. Во вступительной статье к этому сбор-
нику особое место уделено перепечатанным в нем «Ски-
фам», о которых между прочим говорится: «Высокий
гражданский пафос, установка на стиль и формы поэ-
тического манифеста, сближает «Скифы» с русской
политической одой XIX века, прежде всего с пушкин-
ской : «Клеветникам России». И по существу оба
произведения близки друг другу. Поднятая Пушкиным
грандиозная тема **исторической миссии** (подчеркнуто
мной) и великого будущего России, в 1812 году иску-
пившей кровью своих сынов «Европы вольность, честь
и мир», в новых исторических условиях с новой силой
прозвучала в революционно-патриотической оде
Блока»... И вот что автор статьи (Вл. Орлов) цитирует
из этой оды:

Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
. . . .
Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших ПЕСТУМОВ, быть может!

И сейчас же за этой цитатой следует: «Стихи Блока о России, о руском народе, о русской революции — не только драгоценный памятник нашей национальной художественной культуры, которым мы любуемся. Они принадлежат к числу тех великих произведений искусства, которые активно воздействуют на сознание советского человека и с могучей силой пробуждают в нем ответный отклик».

Когда в таких казенных статьях говорится о «сознании советского человека», то имеется в виду то сознание, которое этому несчастному, замордованному человеку стараются навязать. И теперь ему, оказывается, полагается находить в себе «ответный отклик» и на обращенную к западу угрозу: «Мы обернемся к вам своею азиатской рожей!» и, расступившись, «очищаем место бою стальных машин, где дышит интеграл с монгольской дикою ордою», а сами «поглядим, как смертный бой кипит, своими узкими глазами! Не сдвинемся, когда свирепый Гунн в карманах трупов будет шарить, жечь города, и в церковь гнать табун и мясо белых братьев жарить!»

Выбирая для сборника стихотворение, написанное Блоком в явно истерическом состоянии, и восхваляя его во вступительной статье, составитель, вероятно, не вполне отдавал себе отчет в смысле того, что он делает. Вряд-ли он хотел призвать «советского человека» солидаризироваться со всеми дикостями «Скифов». И все же характерно, что в своей статье он процитировал место о «ваших Пестумах», от которых, может быть, **«не будет и следа»**. Опять таки он вряд-ли понял **весь** смысл процитированных им стихов, и, уже наверное, не сознавал, как страшно соприкасаются именно эти два стиха («и день придет... и т. д.») с основной проблемой нашего времени, и как жутко реальна выраженная в них угроза. Вл. Орлов может и не знать, что такое

Пестум в глубоком смысле, но Блок-то это очень хо-
рошо знал и выбрал он Пестум, конечно, не случайно.
В этой греческой колонии, более двух тысяч лет тому
назад основанной в Южной Италии, до сих пор стоят
остатки античных храмов, разрушенных, но все же
настолько сохранившихся, что они, по мнению неко-
торых знатоков, дают более полное представление о
древней греческой архитектуре, чем какие-либо другие
ее памятники. Они сохранились, несмотря на все про-
шедшие через них волны насилия, грабежа и разруше-
ния, и возвышаются, как сияющий символ, как напоми-
нание о том великом, культурном очаге, от которого
пошла Европа в ее современном смысле, как носитель-
ница западной цивилизации. Говоря не о конкретном
Пестуме, а символически о «ваших Пестумах», Блок
возвещал угрозу уничтожения всех ценностей этой
западной цивилизации. В «Скифах» он возвещал не
только «смертный бой» на русских равнинах, но и
такое нашествие на Европу, которое не оставит следа
и от того, что уцелело от прежних варварских наше-
ствий. Всего этого советский автор, наверное, не понял,
но он тем не менее достаточно отчетливо противопо-
ставил «историческую миссию» России «вашим Пе-
стумам», то есть, духовным и моральным ценностям
«старого мира». И характерно, что он совсем не кос-
нулся блоковского призыва к «мирным об'ятиям».
Нельзя все это об'яснить только невежеством и непо-
ниманием. Тем более, что история поставила теперь
вопрос именно о «Пестумах», о решающем выборе —
считать-ли их «вашими», то есть, чужими и обречен-
ными на уничтожение или отмирание, или же «нашими»,
защита которых является кровным делом и великой
задачей.

Как ни мало значительна сама по себе такая вступительная статья к сборнику стихов, самый факт, что она представляет рядовое явление организованной литературы и проходит, как-будто не представляя собой «ничего особенного», уже в высшей степени показателен для глубины того разрыва, который существует теперь между официальной Россией и тем миром, который условно, но исторически законно называется «Западом».

Да, основная проблема нашего времени это судьба **наших** «Пестумов», которым угрожают и волны варварского нашествия из Советской России и критические явления в недрах самой западной цивилизации, — явления, которые уже раз помогли гитлеровскому тоталитаризму стать смертельной опасностью. Теперь же, как недавно выразился один американский оратор, мировая столица зла перенесена из Берлина в Москву — центр советского, сталинского тоталитаризма. Будет или нет война между вооруженными силами, война миров уже в полном разгаре.

Как ни велико в современном обществе разнообразие и как ни остры противоречия интересов, убеждений, программ, в данный момент надо всем доминирует вопрос об основном принципе организации общественной жизни. И вопрос этот сводится к ясному противопоставлению двух абсолютно исключающих один другого методов. Обычное противопоставление демократии и диктатуры или тоталитаризма является еще слишком узким. Рассматривая проблему с точки зрения полити-

ческой организации, тоталитаризму следовало-бы противопоставить не только демократию, но и различные режимы, которые можно назвать «до-демократическими», и даже некоторые виды диктатуры. Но основной вопрос — это различие основных начал или систем устройства человеческого общежития. Одна система регулирует жизнь людей в обществе суммой обеспечивающих возможность совместного существования норм, которые исходят из различных источников, в том числе — и в некоторых случаях преимущественно — от государства, и которые скреплены моральными спайками, оставляющими человеческой личности известный минимум свободы. В другой системе все определяется не связанной никакими нормами волей властителей (или, по Кайзерлингу, «укротителей»), располагающих, как орудием своего господства, доведенным до невиданного могущества, всесильным и всепроникающим государственным аппаратом.

В той сфере, в которой человеческое общежитие организуется по первому методу, западная цивилизация занимает особое место, поскольку в ней, — несмотря на бесчисленное количество отклонений — сложилось и постепенно крепло, как повелительная норма человеческого поведения, представление о самостоятельной ценности человеческой личности, как таковой, и соответственно ощущение высокой ценности человеческой жизни. Именно эти представления и искореняются тоталитарными системами, для которых при их полном развитии — как в Советской России — человеческая личность, как таковая, никаких прав не имеет, ни в какой мере не является самоцелью, а является только средством для осуществления господствующей воли, а жизнь человеческая обесценена так, что уничтожить человека ровно ничего не стоит, и щадят ее только для сохранения рабочей или боевой единицы. При такой основной установке попытка создать и навязать подданным тоталитарной власти новую и будто-бы «социалистическую» систему моральных норм могла иметь только самое поверхностное действие, что и продемонстрировала Кр. Армия в завоеванных ею областях Европы. При этой основной установке не может быть ничего, кроме самого циничного пренебрежения к всему тому, что составляет существо западной цивилизации. Хвалебно цитируя блоковских «Скифов» (в которых другой нашел-бы и кое-что иное), советский литератор только вызал свое глубоко укоренившееся презрение к «вашим Пестумам», символически воплощающим цивилизационную традицию от античной Греции до наших дней.

2.

Поэтому, глубоко прав английский левый социалист, который пишет: «Я сейчас более страстный социалист, чем когда-либо раньше..., но основная борьба наших дней не между капитализмом и только социализмом, а между либеральной или христианской этикой, увенчанием которой является социализм, и тоталитаризмом во всех его формах». Эта фраза взята из новой книги известного английского книгоиздателя Виктора Голланца, озаглавленной «Наши угрожаемые ценности»*). И так как Голланц в своей книге совершенно недвусмысленно представляет коммунистическую Советскую Россию, как основную — после разгрома гитлеризма — силу тоталитаризма, то эти процитированные его слова означают, что социализм и коммунизм уже рассматриваются им не как разновидности одного и того же начала, а как принадлежащие к двум не только различным, но и прямо противоположным и несоизмеримым системам моральных и политических норм. Это, конечно, предполагает определенную концепцию социализма. Согласно этой концепции социализм экономический или социализм в техническом смысле представляет собой лишь только определенную технику общественной организации, а не завершенный тип общества. Техника эта может иметь огромную ценность для построения свободного общества, наиболее полно осуществляющего права и достоинство человеческой личности. Но она же может быть использована и для создания государства в технически-экономическом смысле социалистического, но являющегося не менее, если не более бесчеловечным, чем самая худшая форма капитализма. «Другими словами, социализм ценен лишь постольку, поскольку он служит нашим западным ценностям» (стр. 19). Для Голланца социализм является идеалом, потому, что в нашу эпоху либерализм может найти свое полное выражение только в форме социализма. Его концепция социализма в основном совпадает с тем, что мы обычно называем демократическим социализмом. Но Голланц предпочитает говорить о социализме либеральном или гуманистическом.

Голланц сделал выбор и встал целиком и со всей страстью на сторону наших «Пестумов». Он сделал это, пройдя через долгий период исканий и иллюзий, продолжавшийся, по его собственным словам, от 1919 до 1939 года (стр. 70). Его издательство печатало книги, представлявшие собой советскую пропаганду, и даже ходили слухи, что оно является ничем иным, как замаскированным издательством Коминтерна. Слухи эти были неверны, но их возникновение было, можно сказать, естественным при том характере, который до сталински-гитлеровского пакта имело издательство Голланца. В своей последней книге Голланц сам об'являет, в чем состояла основа его иллюзий, и чем они были разрушены. Он говорит, что он всегда ненавидел жестокости советского режима, тем более, что он считал их ненужными и опасными. Но он считал большим достижением уничтожение капитализма на большом пространстве земного шара, и вплоть до 1939 года не переставал надеяться на эволюцию советского режима в желательном ему направлении. «Год за годом я думал: цель, — полный расцвет западных ценностей, — остается, средства меняются; государство начнет отмирать». С 1939 года поддержка Советской России казалась тем более необходимой, что Советская Россия представлялась самым сильным оплотом против главного тогда врага запада — гитлеровского фашизма. Пакт 1939 года оказался потрясающим ударом, как крайний пример применения «дурных средств». Тогда Голланц понял, что его оптимизм был ошибочен и, что «нельзя создавать какое-либо общество, делая именно то, окончательное уничтожение чего является целью этого общества» (стр. 70). И, как Голланц пишет в другом месте (стр. 59), это заключение было тем более трагичным, что те ценности, которые вдохновляли основателей марксистского социализма, были не фашистскими, а ценностями западной цивилизации, тогда как коммунизм «в некоторых отношениях» отожествился с фашизмом, причиной чего было применение противоречащих этим западным ценностям средств. «Целью марксова коммунизма было общество, в котором каждый индивидуум был-бы свободен физически и духовно.

*) Victor Gollancz. Our Threatened Values. London 1946. стр. 156.

[illegible]

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

И. М. ХЕРАСКОВ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ

[illegible]

Наша тема не так давно была затронута уже на этих страницах (Соц. Вестн. 1943 г.). Б. И. Николаевский цитировал тогда П. Б. Аксельрода: «Как можно не понимать, что люди (большевики), применяющие такие средства [illegible] и т. д.), не могут с нами иметь общей цели. Между их социализмом и нашим социализмом возможно лишь чисто словесное сходство». Прибавлю к этим словам, что не только конечная цель, но и отправные пункты, и самое происхождение их различны. Лишь стечение исторических обстоятельств мешало долгое время заметить принципиальную грань, которая отделяет коммунизм от социализма. Теперь ее не видят только заинтересованные в неведении или же безнадежные слепцы. Корни недавнего заблуждения нужно вскрыть до конца. Нужно постигнуть, как вырождаются, [illegible] над ...[illegible] Дилемма окончательного разрыва или окончательного примирения с коммунизмом, без всякого преувеличения, стоит перед современным социализмом проблемой жизни и смерти. Примкнуть — изменить знамени, бесславно погибнуть пленниками во вражеском стане. Порвать — со- [illegible]

[illegible]

[illegible] традиция морально-философских утопий (Мор, Кампанелла, Мабли) и стихийных народных движений (Тайлор, Мюнцер, отчасти наши Разин и Пугачев), с другой, — [illegible]

«Коммунистический Манифест» 1847 года пытался механически влить в социализм обе коммунистические традиции. Попытка не удалась, и вся эволюция марксизма существенно сводилась с тех пор к постепенному освобождению своей социалистической души от приставшего к ней чужеродного тела.

К соблазну сблизить социализм с коммунизмом толкала иногда этимология: «социализм» — «коммунизм», «социальность» — «коммунность», «общественность» — «общность» — в сущности не одно ли все это и то же: коллектив, противопоставленный индивиду? В действительности и сама этимология обнаруживает не сходство, а глубочайшую разницу. **Коммунизм есть общность, обобществленность** (хозяйства, имущества, быта). **Социализм** — **общественность** (живущие обществом люди). **Коммунизм коллективизирует человека. Социализм очеловечивает коллектив** — глубокая принципиальная грань.

Часто «общество» противопоставляется личности; и идеальным типом его об'является муравейник. Человек общественное животное. Одно из самых общественных животных муравей. Значит «муравейник одно из самых, так сказать, общественных обществ». Разбить этот софизм легко: Чело-

век — это правда общественное (Аристотель сказал «государственное» — «политикон») животное, но правда еще более несомненная: человек **единственное** общественное животное, других общественных животных в природе нет и не может быть.

Человек, конечно, немыслим без общества, но немыслимо и без человека и общество — две взаимно дополняющие друг друга правды. Общество есть общение: оно людьми же образует людей человеками. Антагонизм «общество — личность» неприемлем по существу, ибо общество и личность — два аспекта одного — **человечности**.

О «животных обществах» можно говорить фигурально, как говорят о «теле парламента» или «работе машины». Муравейник же и фигурально назвать обществом трудно. Это не сборище, а единство — единая стадная особь «сложный», так сказать, организм, клеточки которого не прикреплены, как обычно, друг к другу, а бегают на своих ножках, выполняя каждая сообразно своей анатомии ту или иную полезную для всего организма функцию — бесполые части, щупальцы, половые клетки.

Самодовлеющ тут только весь организм; лишь у него имеется своя жизнь, свой интерес и инстинкты, своя, поскольку в данном случае можно о ней говорить, воля.

Случай человеческого общества прямо обратный. Здесь не целое довлеет себе, а существа его составляющие — индивиды, не «клеточки», из которых целое слагается, а лица, каждое из которых отражает в себе целостный образ общества, как бы несет в себе все общество целиком.

Социализм не идеальный муравейник, а идеальное общество — в этом вся суть.

Коллективизация («национализация», «коммунизация» и т. д.) всего (торговли, земли, индустрии, быта, правов, религии) — создает идеальный коммунизм — человеческое подобие муравейника. Создать социализм — идеальное человеческое общежитие — можно только обратным процессом интегральной **деколлективизацией** (персонализацией) всего, чем живет человек, внесением во все сферы его активности — до торговли и промышленности включительно — начал личности, т. е. ответственного и самоценного «я». Между коммунизмом и социализмом тут пролегла непроходимая, «метафизическая», хочется сказать, грань. «Обобществленность» всегда грозит личности умалением, как крайний случай, умерщвляет ее. Общественность всегда ведет личность к расцвету, как предельный случай, до конца вскрывает все заложенные в ней возможности и богатства.

Лишь сознательные или бессознательные **анти-социалисты** способны видеть в социализме переходную стадию к коммунизму. Для социалиста, верного своему идеалу, осуществленный коммунизм есть злая карикатура социализма, как муравейник — карикатура общества.

Та же самая, в сущности, принципиальная пропасть обнаруживается между социализмом и коммунизмом в собственно политической области — в их отношении к государству. Коммунизм — интегральный коллективизм — борется с раздробленностью, с индивидуализмом. Социализм — вольное общение лиц — противопоставляет себя государственному засилию, **этатизму**. Коммунизм ценит в государстве идеальное орудие коллектива. Социализм насторожен против него, как виртуального насильника и врага свободы. Коммунизм строит свой «социализм» насилием революционной, деспотической власти. Социализм обновляет общественный строй свободным сотрудничеством и воспитанием нового человека.

Исторически и тот и другой возникли в лоне Французской Революции, на ее исходе — коммунизм, как стремление продолжить ее до конца, не дать ее разрушительной работе остановиться на полпути, социализм, как нормальное завершение ее, переход к работе строительства. Первым коммунистом, в современном значении слова, был Гракх Бабеф, первым социалистом — Анри Сен-Симон. Контрастом личностей подчеркнут контраст программ и идей.

Программа Бабефа груба и проста — овладеть машиной государства, захватив вооруженным восстанием власть, беспощадно диктаторски расправиться с несогласными, а там, посредством полу-мифического «Аграрного Закона» (недаром он «Гракх») насильственно осуществлять «общество равных». Программа Сен-Симона гораздо сложнее: его «индустриальное общество» строится вне всякого содействия государства, или помимо вообще, «духовной властью» (моральным авторитетом) индустриализма — элиты знания, таланта, искусства, ответственных работников, мастеров физического и умственного труда.

Читая опубликованные в 30-х годах прошлого века, в книге Буонарроти, документы «Заговора Равных» до жути поражаешься совпадением, в деталях и в целом, этого готового к осуществлению замысла с осуществлением его, 120 лет спустя, под водительством нашего Ильича.

Что Ленин перед своим «Октябрем» основательно проштудировал документы Буонарроти, в этом не может быть никакого сомнения. И невольно напрашивается мысль, не в этом ли простейшая прозаическая (история часто предпочитает, к сожалению, прозу) и немного обидная для человечества (история не прочь и обидеть иногда человека) разгадка прихода, как снег на голову, дьявольской какой-то «случайностью», свалившихся на демократическое человечество 20-го века тоталитарных, «фашистских» режимов Муссолини и Гитлера — политические близнецы и ученики Ленина, а сам Ленин — какой-то «очнувшийся» после 120-летнего анабиоза, перевоплощенный в «Ильича», Гракх Бабеф.

Бабеф и Ленин — хронологическая альфа и омега нового коммунизма. Сравнивая их, изумляешься ничтожности пережитой коммунизмом за 12 десятилетий эволюции. В теориях, конечно (дань веку), очень многое изменилось: «реальное равенство» превратилось в «социализм», «аграрный закон» в «марксизм», «Конституция 93-го года» в «Коммунистический Манифест» и т. д. Но как для «Альфы», так и для «Омеги» теория самостоятельного значения не имеет, ценится исключительно как инструмент революции, сподручная для демагога комбинация звонких слоганов. Знаменитый Ильич, с его 30-ью томами полного собрания сочинений, при всем различии дарований, столь же мало философ и социолог, как и скромный сравнительно с ним Бабеф с его небольшой по об'ему «доктриной». Пресловутая «доктрина» лишь сформулировала, в демагогическом стиле, бродившие тогда в санкюлотских головах эгалитарные настроения, смутные образы античной истории, коммунистические прописи Морелли и Мабли. Пресловутый «ленинизм» (с позднейшим «сталинизмом» в придачу) явился популярным, демагогически приспособленным к революционной практике, переплевом живших в «пролетарских» головах марксистских идей.

Бабеф — восторженный апостол монтаньярской архидемократической конституции? Да, но ведь и предоктябрьский Ильич — восторженный апостол народных свобод и безотлагательного созыва Учредительного Собрания. Сталинская, «самая в мире демократическая» конституция 1936 года — только позднейшая отрыжка все того же бабефо-ленинского «демократизма».

Бабеф своего Октября не увидел — оставил только до мелочей разработанный план. Но какой план! Тут и буржуи, изгоняемые из их квартир, для вселения в них, в готовую мебель (все предусмотрено) санкюлотов и «патриотов», тут и революционные суды (чрезвычайки), с широким применением «высшей меры», и монопольная партия (Grande Communauté Nationale), и не-коммунисты-лишенцы (étrangers) словом, все — до Внешторга и даже Соловков (Île d'Oléron) включительно.

[illegible] уже дело Бабефа стало с ноября 1917 года «тем уже делом» Ленина-Сталина.

Сталинский — [illegible] — коммунизм, [illegible] к бабефо-этатизму, [illegible] он и внутренне оказался [illegible] коммунизму, [illegible] государство — [illegible] этатизм. [illegible] не только из социал-революционных [illegible], но и из моральной мечты о благостной, обо всех пекущейся [illegible], все справедливо распределяющей центральной власти — все тот же, только [illegible] государственный деспотизм.

Социализм и в этой картине — антипод коммунизма. Французская Революция для обоих была, сказали мы, материнским чревом, но коммунизм явился уродливым выкидышем из него, а социализм — здоровым плодом. «Революционизм» и «этатизм» — переволюционные уродства — вошли в политический багаж коммунизма. «Органичность» и «демократизм» — разумное наследие Революции — в багаж социализма.

Чужеродная коммунистическая ткань [illegible] проникала сначала в тело социализма, до самого его нутра. Время от времени болезнь выступала наружу, организм охватывала революционная лихорадка, в воспаленном мозгу возникали нездоровые образы вооруженных восстаний и классовых диктатур. Но падала лихорадка, и социализм возвращался неизменно на собственный путь, обретал свое подлинное лицо. Идея пролетарской диктатуры, в частности, еще у самого Маркса, приняла в 70-х годах мирную форму демократической идеализации Парижской Коммуны, как чуждого всякого централизма, полицейщины, бюрократии политического режима, во всем противоположного «подлинным диктатурам» Луи Бонапарта и Тьера. А большевизм, в самом начале Российской Революции, добровольно покинул социализм, к великому для него благу, образовав под эгидой Москвы свой независимый от социализма коммунистический интернационал — «Коминтерн».

С тех пор как человек исторически помнит себя, он живет в государстве. Возможно — и будет жить. Как нормальная форма человеческого общежития, государство сохранится, вероятно, и при максимально осуществленном социализме. А если так, то нет ли в социалистическом анти-этатизме какого-то недомыслия? Что он реально, в сущности, значит?

Ответим так: Да, государство — нормальная форма общества. Но государство может поставить себя и **над** обществом и тем самым и **вне** его.

В возможности **внеобщественного** государства, до ленинского «опыта», при общей шаткости нашей исторической памяти, можно было еще сомневаться. После «опыта», повторенного вслед за Лениным Гитлером и Муссолини и доведенного до полного совершенства Сталиным, почва для сомнений исчезла. Мы знаем теперь, что «собственно государство» и «собственно общество» совсем не одно и то же, что между ними возможны не только трения, но и прямая борьба. Как ни естественен и ни неизбежен, в нормальных условиях, их симбиоз, в условиях ненормальных (а ими-то и озабочен социализм) он может делаться злом и грозить общежитию гибелью.

В природе государства тоже есть двойственность. Государство — начало сближающее людей, отклик на живущее в человеке стремление к центру. Государство — орган проявления коллективной воли, начало дисциплинирующее и принуждающее. В этой последней функции государства и [illegible]илась опасность. Стоит коллективному «я» ослабнуть, [illegible]ктивной воле «уйти», и на сцену, в виде враждебного [illegible] над ним своей властью — [illegible] государства. Из служебного орудия [illegible] его принудительный аппарат [illegible] в мертвую машину, бездушно движущую обществом — [illegible] живые его элементы. Как нередко индивидуальная жизнь [illegible] в состоянии аффекта, истерии, гипноза, приступа безумия — [illegible] человека, оставляя его бессильной игрушкой [illegible] чужой, внешней воли, так и в [illegible] целых народов бывают моменты аффекта, истерии, [illegible] или частичного расстройства их. Таковы [illegible] катастрофические эпохи [illegible] революций, военных разгромов, острых хозяйственных кризисов.

Но «тоталитарное» государство лишь крайний случай болезни. Более обычны заболевания легкие, симптомы только приближающейся болезни. Нам, русским, хорошо памятен один из таких легких случаев — наш дореволюционный самодержавный режим. Там государство не переставало еще служить общественности, общественность не успела еще распасться на человеческие пылинки, но трещина уже появилась и медленно росла вглубь и внутрь: правительственное самовластие давило уже на общество, общество оборонялось от него, как от силы враждебной. Возможность враждебных столкновений общества с государством вообще такой же несомненный исторический факт, как и их внутренняя зависимость друг от друга и естественный симбиоз.

Во всех конфликтах общества с государством — социализм неизменный союзник общества, защитник и возбудитель его слабеющей воли, коммунизм — действительный или виртуальный захватчик «машины».

«Государственный коммунизм» — естественное, никакого протеста не вызывающее, словосочетание. «Государственный социализм» — словосочетание, звучащее для чуткого уха уродством.

Опасность этатизма не в объеме и силе государственной власти, а в нарушении равновесия между двумя ее функциями. Если, вместе с ростом принудительной функции, растет гражданская сплоченность (случай Рузвельта в эпоху Нью Дила и в мировую войну), то как бы власть ни была сильна, перед нами не «голая власть», не диктатура, а нормальный человеческий град.

Лишь с момента «обнажения» власти начинается грозный для общества этап этатизма. В такие моменты малейший уклон социализма в этатизм является фактическим уклоном его в коммунизм — изменой своему идеалу. Политический идеал его: совершенная демократия — совершенная гармония между государством и обществом, глубокая пронизанность государства общественностью, обеспеченность, самим государством, личной свободы и личных прав. Первый европейский социалист, Сен-Симон, несомненно преувеличивал, заявляя: «Правительство **всегда** вредит индустрии, — даже когда старается оказать ей поддержку». Крупнейший духовный вождь социализма, Карл Маркс, — втуне, быть может — мечтал о полном, при социализме, исчезновении государства. Либерализм остается, тем не менее, интимнейшим идеалом социализма. Это коммунизм — во имя общего, борется с личным, противопоставляя себя индивидуализму; социализм во имя личного борется с общим, — противопоставляет себя **этатизму.**

Антагонизм социализма с коммунизмом есть антагонизм человеческого общества с муравейником, — раскрывающей себя в обществе **личности** со входящей в коллектив **клеточкой,** голоса свободной **воли** с чужим, посторонним **велением.**

Радикальное самоотмежевание от коммунизма, устранение всякого риска смешения с ним — таково одно из первых заданий жизни современному социализму. Лишь выполнением этого задания очищается для него путь к выходу из всех тупиков, к завоеванию по праву принадлежащего ему в современной борьбе человечества за подлинную «хорошую жизнь» и подлинную культуру, **водительского поста.**

Р. АБРАМОВИЧ

СОЦИАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО

(По поводу статьи И. М. Хераскова)

[illegible]

Мы [illegible]

[illegible]

Однако, предпосылкой [illegible] должна быть максимальная ясность и четкость. [illegible] только вредно для нашей цели.

Должен признаться, что с этой точки зрения некоторые формулировки И. М. Хераскова нас совершенно не удовлетворяют.

Как, например, понять следующее положение: «Эта коммунизм, во имя общего, борется с личным, противопоставляя себя индивидуализму; социализм во имя личного борется с общим, противопоставляя себя этатизму»? Если это означает только, что коммунизм во имя государства подавляет личность, а социалисты, не отрицая государства, стремятся охранить личность и ее права от гипертрофии этатизма, — то с этим мы все немедленно согласимся, но не будет-ли это уж слишком очевидной и азбучной истиной? Если же за общей и расплывчатой формулировкой скрывается более далеко идущая мысль (социализм во имя личного борется с «общим» — значит-ли это, что социализм готов защищать права и интересы личности даже тогда, когда они идут в разрез с интересами всего общества, всей нации?), — то эта мысль [illegible] приводит уже не к социализму, как он исторически и идеологически формировался, а к анархизму индивидуалистического толка.

К тому же заключению нас приводят две другие формулировки И. М. Хераскова: «Социализм вольное общение лиц противопоставляет государственному идеалу — **этатизму**. Коммунизм ценит в государстве идеальное орудие коллектива. Социализм настороже против него как виртуального насильника и врага свободы». И дальше: «государственный коммунизм» — естественное, никакого протеста не вызывающее, словосочетание. «Государственный социализм» — словосочетание, звучащее для чуткого уха уродством».

По нашему, эта характеристика позиции международного социалистического движения по отношению к государству является большим «перегибом палки» в обратную сторону, и далеко не соответствует действительному ходу развития.

Я знаю, что И. М. Хераскову будет нетрудно в ранних произведениях отцов марксизма, и даже еще позже, в «Анти-Дюринге», найти немало цитат, подтверждающих его тезис [illegible]

[illegible] «Материалистического понимания истории» (главы IV и V) [illegible] Дальнейшее развитие и усиление функций государства [illegible] не назад, а вперед.

Можно было бы сказать даже больше. Вся история европейского рабочего движения, по меньшей мере за последние 80 лет, прошла под знаком не страха перед государством, как виртуальным насильником и врагом свободы, а **демократизации** государства и [illegible] им. Что такое вся политическая борьба за всеобщее избирательное право (в Англии, Бельгии, Австрии, Венгрии, Пруссии, скандинавских странах и т. д.), как не борьба за государство, за постепенное овладение им по мере его демократизации? И что такое вся борьба за социальное законодательство, которая заполняла собой всю борьбу европейского (и американского) рабочего и социалистического движения [illegible] 19-й век, как не стремление [illegible] не устранение государства, а наоборот, его дальше идущее вмешательство в отношения между классами и общественными группами, между личностью и обществом? Теория «государства, как ночного сторожа», никогда не была воспринята международным социализмом; наоборот, он против нее всегда боролся. Для него государство никогда не было, как для «манчестерских» либералов, только инструментом для поддержания внешнего порядка; и, в отличие от анархистов, он отводил ему очень большую и активную роль в регулировании общественно-экономических и социальных отношений.

Формулировка И. М. Хераскова, в его указанном [illegible] толковании, зачеркнула-бы все европейское рабочее движение, как оно исторически сложилось, в коммунизм. Это и исторически неверное и политически опасное утверждение. Возможно, что в этом, слишком далеко идущем,

(окончание на следующей странице)

Из международного рабочего движения

ШАРЛЬ ДЮМА

С'ЕЗД ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

(Письмо из Франции)

Тов. Шарль Дюма, старый друг русских социалистов, член ЦК французской социалистической партии [illegible] «Попюлер», [illegible] по нашей просьбе [illegible] письмо. **Редакция.**

С'езд французских социалистов, состоявшийся в Париже в августе, с самого начала многих обескуражил, а под конец всех удивил. Беспокойство было вызвано тем, что с'езд с первого же момента открыто дезавуировал старое руководство партии, во главе которого стоял, если не формально, то морально, Леон Блюм. Было похоже на то, что в партии происходит большая и глубокая революция, которая изменит всю политику и тактику партии.

Но когда с'езд пришел к концу, то оказалось, что эти опасения были лишены всякого основания. Гора родила мышь. Основная линия партии ни в чем не изменилась, хотя в личном составе центрального аппарата и произошли довольно значительные перемены.

Поражение Центрального Комитета (Комитэ Директёр) и генерального секретаря партии Даниеля Майера произошло по формальному поводу. Отчет Центрального Комитета, составленный генеральным секретарем и разосланный заранее по всем местным организациям, был при первом голосовании с'езда отвергнут 2.964 голосами против 1.365, при 145 воздержавшихся. Насколько нам известно, такого случая еще никогда не было во всей истории нашей партии. Это был оглушительный вотум недоверия «старой гвардии», которая руководила партией, и которую в свою очередь возглавлял Леон Блюм, он же главный редактор центрального органа «Попюлер».

Нет ни малейшего сомнения, что в этом голосовании определенную роль и, может быть, немалую, сыграл чисто формальный момент. Как вам, вероятно, известно, в нашей партии принята система [illegible] мандатов. Все основные пункты порядка дня с'езда заранее обсуждаются в местных федерациях, и избранные на с'езд делегаты обязаны голосовать так, как постановила федерация. Менять этого голосования по своему личному усмотрению делегаты не имеют права. Между тем, у меня и у многих других было впечатление, что [illegible] ЦК, а затем и позже, после [illegible] Даниеля Майера и [illegible] Блюма и Андре Филипа, [illegible] с'езда резко изменилось. Но это изменение уже не могло найти себе отражения в голосовании [illegible] «Попюлер».

Тем не менее, было бы неправильно [illegible] на то, что и настроение масс [illegible] первые дни с'езда были лишь отражением того общего недовольства, которое было разлито в широких массах партийных членов [illegible] были левые, недовольны были правые [illegible] в политической линией партии, а [illegible] недостаточной пропаганды [illegible] «Попюлера».

В основном, недовольство было вызвано теми поражениями, которые партия потерпела со времени первого Учредительного Собрания. Сначала партия вынуждена была принять отрицательный вердикт нации над проектом конституции, в выработке которого она играла столь активную роль. А затем пришло частичное поражение партии на майских выборах во второе Учред. Собрание. Ответственность за эти поражения партийный середняк возлагал на партийное руководство, т. е. на «старую гвардию» во главе с Блюмом. А ведь не надо забывать, что за время войны партия растеряла почти две трети своих старых кадров, между тем, как общее число членов партии увеличилось после освобождения почти в три раза. Это означает, что состав нашего партийного массива теперь «сырой»; он состоит, главным образом, из людей, не прошедших партийно-политической школы и не успевших еще научиться разбираться во всех сложностях нынешней обстановки. Особенно их смущают те трудности и сложности, которые связаны с системой трех-партийного правительства, существующего сейчас во Франции, и являющегося, к слову сказать, новшеством в нашей парламентской истории.

При том соотношении сил, которое у нас сейчас создалось, только социалистическая партия может явиться «центральной осью» этого правительства; но выполнять эту свою функцию она может только путем постоянных компромиссов на обе стороны, — зачастую, компромиссов за свой счет. Наша партийная масса плохо мирится с этими жертвами. Она хочет освободиться от ига трех-партийной системы и связанных с ней компромиссов, и местные федерации именно такую директиву дали своим делегатам на с'езд.

Но легче выявить недовольство и «разнести» старое

СОЦИАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО

(окончание предыдущей страницы)

формулировками скрывается более простая и бесспорная мысль, а именно, что в то время, как коммунизм государственное насилие обожествляет и превращает в единственный рычаг истории, принося на заклание на алтарь этого Государства-Молоха человеческую личность, счастье отдельного человека и даже целых поколений, — социализм, не отрицая государства и отводя ему должное место в своей программе и практике, в то же время настороженно относится к гипертрофии государства, видя в этом угрозу личности и свободе, и опасность вырождения такой государственной власти в тоталитарную диктатуру.

Такая формулировка была бы и для нас бесспорна.

Нам кажется, что дальнейшая дискуссия должна заняться раскрытием всех скобок и расшифрованием всех слишком общих и туманных, допускающих разные толкования формулировок. Такая расшифровка приведенных И. М. Херасковым формул, самим автором, очень способствовала бы взаимному пониманию, и, более чем вероятно, сближению.

руководства, чем найти выход из об'ективно существующего трудного положения. И в этом члены с'езда очень скоро убедились на опыте.

* * *

Когда оппозиция начала свое наступление на с'езде, ею были выдвинуты три основных положения или требования:

Установление более тесной связи с Коммунистической Партией;

Осуждение «гуманизма» Леона Блюма, и возвращение к традиционной «революционной борьбе классов»;

Ликвидация трехпартийности, как основы нашей правительственной системы.

Однако, прежде чем с'езд приступил к общим дебатам, которые, по плану вождей оппозиции, должны были закончиться принятием указанных трех директив, делегаты выслушали две решающие речи, речь Майера и выступление Блюма (к ним надо добавить еще речь Андре Филиппа, произнесенную в конце с'езда). И Майер, — и Блюм, встреченный, при своем появлении на трибуне, всеобщей овацией, — произнесли поистине изумительные по убедительности и силе речи. Майер показал, что в нынешней обстановке нет и не может быть иного пути, как правительство трех больших партий. Его доводы о невозможности или опасности любого **двух**партийного правительства были неотразимы. Блюм, указав, что он никогда не отказывался от принципа классовой борьбы, настаивал, однако, на том, что сначала надо столковаться на правильном понимании этих слов в нынешней стадии развития общественных отношений. Социальные явления также подлежат эволюции, и в виду происшедших в мире перемен правильнее было бы теперь говорить не о «классовой борьбе», а о «классовом действии». Перейдя затем в контр-наступление, и обвиняя партию в недостатке мужества и веры в себя, Блюм воскликнул: «Вы боитесь всего. Вы боитесь коммунистов, вы боитесь скомпрометировать себя сотрудничеством с другими политическими группировками, вы боитесь всего нового, и так как мы находимся сейчас перед ситуацией, какой мы еще никогда в нашей истории не переживали, то вы, вместо того, чтобы смело приспособить свою тактику к этим новым условиям, хотите вернуться к прошлому. А это невозможно. Ваш отказ принять наш отчет означает лишь, что вы ищете алиби для самих себя».

Эти две речи вызвали поворот в настроении с'езда. По мере того, как дебаты развивались, пыл оппозиционных ораторов спадал, их требования постепенно лишались всякого содержания. Так, вместо того, чтобы настаивать на осуждении блюмовского гуманизма, — требование, выставленное первоначально в тезисах Ги Моллэ, — на самом с'езде ни последний, ни его друзья не только этого больше не требовали, но сами не переставали говорить о гуманизме.

Что касается более тесного сближения с коммунистами, то к концу с'езда тот самый Ги Моллэ, которого в печати об'явили «большевизаном», не только настаивал на том, — что, впрочем, было отмечено в его тезисах, что он против «органического единства» с коммунистами, поскольку последние не освободились от подчинения Москве, но и заявил, что обвинение его в симпатиях к коммунизму является не только ложью, но и клеветой. К этому еще надо прибавить, — как вы, вероятно, уже знаете из агентских телеграмм, — что по предложению того же Ги Моллэ, избранного на с'езде генеральным секретарем, вместо отказавшегося от переизбрания Даниеля Майера, на первом же заседании Ц. К. было постановлено распустить существовавший доселе **постоянный** «Комитет Единства» и ставить вопрос о совместных действиях с коммунистами лишь «от случая к случаю», да и то только через центральные инстанции партии, а не на местах, как того требовали коммунисты.

Наконец, когда речь зашла о предстоящей избирательной кампании (в парламент, после роспуска Учредительного Собрания), то со стороны оппозиции не было сделано ни одного предложения, которое в чем либо изменило бы прежнюю установку партии по вопросу о трехпартийном правительстве: никто не предложил иного состава правительства, ибо всем уже было ясно, что никакого другого метода составления правительства нет и не может быть в нынешних условиях.

* * *

Итак, по всем трем основным пунктам платформы оппозиции на с'езде, на котором эта оппозиция превратилась в правящее большинство, были приняты решения, почти прямо противоположные тем требованиям, на которых оппозиция настаивала до с'езда.

К этому надо добавить, что по тому политическому вопросу, который сейчас в жизни всех стран играет столь огромную роль, — вопросу о внешней и международной политике, — на нашем с'езде вообще не было дискуссии: тут оппозиция полностью солидаризовалась с бывшим большинством и, единодушно, при общих аплодисментах, приняла линию, предложенную Даниелем Майером. Разрешаю себе добавить, что автор этих строк, более других ответственный за статьи, печатавшиеся в «Попюлере» по вопросам международной политики, был одним из немногих (11) членов старого ЦК, переизбранных и в новый ЦентральныйК Комитет.

Новый ЦК состоит из 14 сторонников старого большинства, 14 сторонников Ги Моллэ и трех «неопределенных», которые в данный момент идут с Ги Моллэ. Последний избран генеральным секретарем; старому большинству было предложено выбрать двух помощников секретаря, но оно от этого отказалось. Главным редактором «Попюлера» был переизбран Леон Блюм, при чем это переизбрание было не только единодушным, но члены оппозиции проявили гораздо больше рвения в упрашивании Блюма принять этот пост, чем сами блюмисты.

Подводя общий итог, можно сказать, что наш с'езд, который так сбил с толку общественное мнение, и сам был сбит с толку. Сместив старый ЦК, он новому ЦК поручил вести ту самую политику, которую он вначале осудил. Какое влияние этот с'езд будет иметь на предстоящие выборы, — об этом сейчас можно только гадать: точнее мы об этом узнаем только после выборов.

С'ЕЗД ФИНЛЯНДСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

(Письмо из Стокгольма)

Состоявшийся недавно в Хельсинки с'езд финляндской соц.-демократии не привел к примирению внутренних противоречий в партии. Борьба между двумя образовавшимися в партии течениями даже еще обострилась.

Левая партийная оппозиция осталась на с'езде в меньшинстве и с'езд отклонил все ее предложения. При выборах председателя партии кандидат оппозиции и председатель парламента К. А. Фагерхольм получил голоса 81 делегата, представлявших 17 тысяч членов партии, а председателем был избран Е. Ског, за которого голосовало 146 делегатов,

…тысяч членов партии. Безрезультатны оказались и переговоры о составе Центрального Комитета. Большинство готово было предоставить в ЦК оппозиции 3 места из 13, но возражало против введения в ЦК председательницы финского женского союза С. К. Кильпи и главного редактора органа шведских соц.-демократов в Финляндии «Арбетербладет» [illegible]. С другой стороны, большинство готово было [illegible] представителей партии Фагерхольма, если бы удалось найти общий для соглашения. Оппозиция в свою очередь с особенной силой возражала против избрания в ЦК некоторых представителей большинства, принимавших во время войны активное участие в «Союзе братьев по оружию», который по требованию советского представителя после заключения перемирия был распущен. Особенно резко оппозиция выступала против У. Варьонена. После того, как все попытки добиться соглашения кончились неудачей и большинство отклонило и требование оппозиции о применении при выборах в ЦК пропорционального представительства, оппозиция заявила о своем неучастии в выборах ЦК.

По уставу партии в состав ЦК должен входить один представитель Союза шведских соц.-демократов Финляндии. Шведская делегация на с'езде однако заявила, что она присоединяется к оппозиции и воздержится от выставления своего кандидата в ЦК. Оппозиция после этого ушла со с'езда и заседала отдельно в качестве конференции. Здесь было избрано бюро по руководству оппозицией, но в то же время было принято решение оставаться пока в старой партии.

Осенью должна состояться новая конференция оппозиции. До тех пор решено держаться выжидательной тактики. Фагерхольм после с'езда произнес по радио речь, в которой призывал членов оппозиции не выходить в одиночку из партии. Если уж дело дойдет до раскола, оппозиция уйдет из партии, как целое.

Внутриполитические итоги с'езда сводятся к отклонению тесного сотрудничества с коммунистами и к отказу от шагов, которые могли бы облегчить возвращение в партию членов так называемой Социалистической партии единства. С'езд отклонил предложение об избирательном блоке с коммунистами и с Единством, и партия на всех выборах будет выступать самостоятельно.

Особенно упорна будет борьба за профсоюзы. Несколько недель назад состоялось решение об отсрочке на год с'езда профсоюзов и о признании недействительными состоявшихся уже частью выборов делегатов на с'езд. Решение это было вызвано тем, что коммунисты во многих местах фальсифицировали выборы и не допустили применения пропорционального представительства. С'езд соц.-демократии постановил теперь образовать во всех профсоюзах и во всех предприятиях соц.-демократические профсоюзные группы. Для руководства их работой при ЦК партии создается специальное представительство профсоюзов. Кроме того решено удерживать рабочих от участия в организуемых коммунистами политических манифестаций в роде тех, что несколько недель назад имели место в ряде городов Финляндии. Манифестации эти очень напоминают лапуо-фашистские процессии 30-х годов, когда анти-демократически настроенные крестьяне приняли участие в походе на Хельсинки и в попытке терроризировать парламент. Соц.-демократия считает и недемократичным и недопустимым устройство манифестаций против избранного народом парламента, в котором рабочие партии располагают почти половиной мандатов (99 из 200), и против правительства, в котором соц.-демократы и коммунисты располагают большинством. Попытки коммунистического меньшинства навязать таким путем свою волю парламенту большинству народа должны встретить решительный отпор. С удовлетворением следует отметить, что и в вопросе о профсоюзах, и в вопросе об антипарламентских манифестациях большинство партии и оппозиция почти полностью солидарны.

В вопросах внешней политики на с'езде не обнаружилось глубоких разногласий. И партийное большинство стоит за сохранение дружественных отношений с Советским Союзом. Но все необходимые внешнеполитические уступки не должны служить прикрытием для внутриполитических уступок коммунистам. Партия не хочет сдать добровольно свои позиции коммунистам и полагает, что тесное сотрудничество с ними означало бы самоубийство социал-демократии.

Разногласия по вопросам недавнего прошлого, споры по вопросам военной политики нашли на с'езде свой отголосок в критике со стороны большого числа делегатов по адресу парламентской фракции и соц.-демократических министров, которых делегаты с'езда упрекали в недостаточно энергичной защите осужденного к пяти годам каторжных работ бывшего председателя партии В. Таннера. Большинство делегатов рассматривало осуждение Таннера, как акт мести со стороны коммунистов, и открыто выражало ему свои симпатии. Делегация с'езда посетила Таннера в тюрьме. Посетили его и несколько делегатов иностранных социалистических партий, прибывших на с'езд в качестве гостей. Заслуживает внимания, что как раз младшее поколение в партии наиболее энергично выступает в защиту Таннера.

Через несколько дней после окончания с'езда финляндское рабочее движение понесло тяжелую утрату: скончался один из старейших финских социалистических вождей Карл Вийк. Выдающийся парламентский деятель и теоретик партии, он в течение многих лет был главным противником Таннера в партии. Его мужественное выступление против войны в союзе с Германией привело его на несколько лет в каторжную тюрьму. После перемирия он был освобожден, но уже не вернулся в старую партию.

Судьба этих двух выдающихся вождей финской социал-демократии поистине примечательна: оба они попали в каторжную тюрьму, — один раньше, другой позже, — в момент, когда их партия была в правительстве! Возможна ли еще более яркая иллюстрация к той трагедии, которую переживает финляндская соц.-демократия, раздираемая внутренними противоречиями, под непреодолимым гнетом внешнеполитических силовых факторов.

Бруно Калнин.

Вести о России

КАК ЖИВУТ РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В КОЛХОЗАХ

Эта корреспонденция принадлежит бывшему колхознику [illegible], одному из многих новых [illegible], очутившихся [illegible] в Европе. Она дает яркое представление о тех настроениях, которые царят в среде советского крестьянства. Редакция.

Не только для иностранцев, но и русских эмигрантов, давно покинувших [illegible], не могут себе представить те каторжные условия жизни крестьян в России, которые создает для них Сталин. Я жил в деревне с начала революции и до войны 1941 года, когда ушел в Красную Армию. Постараюсь немного осветить перед Вашими читателями истинную картину того, как живут наши крестьяне, не останавливаясь на том, как [illegible] проходила коллективизация, какое сопротивление она встретила в крестьянской среде и на том, каким страшным террором советская власть подавила это сопротивление.

ЧТО ТАКОЕ ТРУДОДЕНЬ?

Как же после коллективизации живут по сей день русские крестьяне, ставшие колхозниками? Не имея собственной земли и собственного инвентаря, они живут как крепостные, работая на т. н. рабоче-крестьянское государство и получая от государства оплату по «трудодням». «Трудодень» — это единица оплаты труда. Но она основана на определенных нормах работы. Эти нормы установлены сельско-хозяйственной администрацией, то-есть той же коммунистической партией. Нормы эти очень высокие, непосильные. Не знаю, как в других местах, но у нас трудовая норма была, к примеру, — вспахать однолемешным плугом полтора гектара в день или скосить за день ручной косой один гектар, и т. п. С крестьянской точки зрения установление одинаковых норм для целой местности — нелепость: в двух соседних колхозах подобная работа может быть совершенно неравноценна в смысле затраты труда (местность, почва, род злаков и пр.). Но власть на это не обращает внимания: человеческий труд в сталинской России — это труд рабский. Все работы в колхозе сдельные, то-есть каждому крестьянину дается на день определенный урок, задание. Если крестьянин за день трудовой нормы не доработал, то в его книжку вместо «трудодня» записывается «три четверти трудодня», «полтрудодня» и т. д. Если же крестьянин выполнил норму в смысле **количества** работы, но на взгляд администратора выполнил ее плохо (высоко скосил, нетщательно выполол), то он тоже полного «трудодня» в свою книжку не получит, а может получить и штраф либо в виде вычета из его книжки известного количества трудодней, либо в виде новой работы без записи в трудовую книжку. Шкала наказаний колхозника определяется всецело администратором. Не дай бог, если администратор найдет, что крестьянин «лодырь» или «саботажник». Кроме наказания собственной властью председатель колхоза может передать виновного прокурору, и тогда крестьянину открывается прямой и быстрый путь в ссылку, в концлагерь на год, на два, насколько того захочет коммунистический Шемякин суд. Дисциплина, как правило, в колхозах довольно суровая, почти как на военной службе. Например, в случае невыхода колхозника на работу его поведение сначала «обсуждается на колхозном собрании», [illegible] с соответствующими угрозами, в случае же повторения колхозник предается суду. Говоря короче, все колхозники находятся в полной подчиненности у коммунистической администрации колхоза. И страх крестьянина перед этой администрацией велик, ибо от нее зависит все: и более-менее сытый живот и даже жизнь. И все-таки я знал много случаев, когда колхозники убегали из колхоза, пытаясь устроиться где-нибудь на работу в городе. Но так как [illegible] эти колхозники [illegible] лишены паспортов, то, поскитавшись, намыкавшись, такой колхозник, нигде не найдя работы (его под страхом концлагеря никто принять на работу не смеет), снова возвращается на свою каторгу, в свой колхоз и вот тут, после соответствующей «вздрючки», он должен работать хуже всякого средневекового раба.

КАК ДЕЛИТСЯ УРОЖАЙ?

Чрезвычайно яркой иллюстрацией рабского состояния колхозников является тот факт, что окончательный расчет за свой труд колхозник получает только раз в год: когда делится урожай, то-есть 1-го января каждого года, а в течение всего года заработок крестьянина только записывается в трудовую книжку; администрация колхоза выдает авансы, но никак не больше 25% записанных трудодней.

К 1-му января администрация подсчитывает весь зерновой урожай. Из этого количества она прежде всего вычитает поставки государству; затем идут многочисленные налоги: тут и общий налог, и культналог, и страхплата, и Авиахим, и Мопр, и «добровольные» пожертвования колхозников, посылаемые «с пламенным приветом» вождю народов Сталину. После этого вычитается содержание многочисленной (коммунистической) колхозной администрации; потом оставляется семенной фонд для будущих посевов и, наконец, то, что остается после всех этих вычетов, и является реальной заработной платой данного колхоза. Это оставшееся количество зерна делится на общее количество трудодней колхоза за истекший год.

Лучшая оплата колхозного труда, которую мне лично пришлось наблюдать, была в колхозах Предкавказья. Там колхозник за трудодень получал перед войной от 1 кгр. до полутора кгр. пшеницы, 7 гр. масла, 10 гр. сыра, 20-25 гр. винограда, 20 гр. риса. В некоторых местах за свой труд колхозники получают не продуктами, а деньгами. Но это относится только к колхозам, производящим хлопок и табак, которые целиком отдаются государству. В плодородных местах южной России перед войной трудодень колхозника определялся в 1 кгр. пшеницы. В Курской области за свой трудодень колхозник получал 500 гр. пшеницы, и это вовсе не считалось плохой оплатой. Наоборот, бывало и много хуже. Самый сильный крестьянин, работающий весь год без разгибу, еле-еле может выработать на жизнь. Ну, а менее сильный? А женщина-колхозница, на которых, пожалуй, лежит вся тяжесть колхозной работы? Надо ли после этого удивляться, что средний советский колхозник так часто имеет испитой от недоедания, до последней степени измученный и оборванный вид? Как общее правило, колхозникам хватает заработанных ими продуктов только на 6-7 месяцев. Остальные же месяцы они либо живут за счет «приусадебных» клочков земли, о чем речь ниже — либо ведут полуголодное существование, перебиваясь чем попало.

НЕЛЕПОСТИ «ПЛАНА»

Нелепость коммунистического «планированного» и коллективизированного сельского хозяйства крестьяне тяжко испытывают на своей шкуре. Укажу хотя бы на самую вопиющую бессмыслицу. Разверстки государственных хлебозаготовок

[illegible] ... не раз был свидетелем того, как колхозники сдавали государству **весь** свой урожай, не оставляя себе не только ... [illegible] ... Сталина человек не ставится ни во что...

Кроме поставок государству зерном, колхозники обязаны поставлять мясо и другие продукты. Среднее обложение крестьянского двора мясом — 80 кгр. в год. Чтобы поставить это мясо, колхозники обычно в складчину покупают поросят, откармливают их и сдают государству. Если свиньи выходят не жирные, то в наказание администрация поднимает вес поставок до 100-120 кгр. В счет мясных поставок идут и куры и другая птица. Колхозники обязаны поставлять также и яйца. Каждая курица колхозника на учете у администрации колхоза и обложена (в разных местах по разному) от 30 до 60 яиц в год. Конечно, тут, как везде, крестьяне ведут упорную «скрытую войну», пытаясь припрятать продукты от ненасытного ока государства.

КОМУ ЖИВЕТСЯ ХОРОШО В КОЛХОЗАХ?

В то время, как масса колхозников живет нищенски, коммунистическая администрация колхозов живет припеваючи. Эта администрация заведует всей жизнью и работой колхоза. Она чрезвычайно многочисленна, составляя по моим подсчетам, никак не менее 15% общего числа колхозников в тех местах, где я живал. В нее входят: председатель колхоза, его помощник, секретарь, секретарь комячейки, завфермы, завскладом, бухгалтеры, письмоводители, бригадиры и всяческие их прихвостни, шпионы, и пр. Эти своеобразные новые крепостники живут в довольстве, потому что все они, как правило, воруют, — составляют фальшивые счета и, пользуясь своим положением и властью, создают себе «легкую и веселую жизнь». Крестьяне с ненавистью глядят на их привилегии и злоупотребления, но пожаловаться — значит выкопать самому себе могилу. И все-таки я знал случаи, когда доведенные до предела озлобления крестьяне пробовали жаловаться прокурору, начальнику милиции или в райисполком. Что из этого получалось? Из района в колхоз приезжали свой же брат, коммунисты, которые в первую очередь, конечно, обращались к тому же председателю [illegible]

[illegible]

Многочисленная [illegible] выступает в [illegible] и в другой роли. Когда в колхоз приезжают посетители — иностранцы или представители какой-нибудь советской делегации — то в роли счастливых колхозников выступают те же знаменитые 15%-ной администрации. В этих случаях председатель колхоза водит гостей по избам своих бригадиров и всяческих сотрудников, показывая обеспеченную и веселую жизнь колхозников. А так как администрация велика, то и показать можно достаточное количество изб, живущих с «достатком» и «культурой». Живут же эти бригадиры очень неплохо: у них дома вы увидите и городскую хорошую кровать и занавески и граммофон. Потом в городе делегаты, конечно, пишут в газете статьи о том, как богаты наши колхозы и как счастливы наши колхозники.

«ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ» ПО СТАЛИНУ

Жгучая ненависть крестьян к ненавистным колхозам объясняется не только их бесправным положением, потогонной системой работы, рабскими условиями труда, отсутствием собственности. Каждый крестьянин видит еще и добавок, как грубо обворовывает его советское государство. Чтобы показать это, я приведу ряд предвоенных цен, по которым крестьяне были обязаны поставлять государству продукты их труда, и рядом — цены, по которым крестьяне были вынуждены (через государственные кооперативы) покупать у этого же государства продукты своего же труда.

	Цена заготовки:	Покупая же у государства в кооперативе те же продукты, крестьяне платили:
1 кгр. пшеницы	8 коп.	1 руб. 92 коп.
1 кгр. мяса	17 коп.	19 руб. (в мясотресте)

1 кгр. риса	33 коп.	4 руб.
1 кгр. масла	1 руб. 80 коп.	38 руб.
1 кгр. сыра	80 коп.	24 руб.
1 кгр. винограда (на Кавказе)	6 коп.	2 руб. 40 коп.
1 кгр. табаку (высший сорт)	20 коп.	2 руб. 40 к. за 100 гр.
1 кгр. хлопка	19 коп.	17 руб. с копейками

По этим цифрам всякий видит, что стоящий во главе коммунистического государства «отец народов» и его министры прекрасно знакомы с теорией «прибавочной стоимости» Маркса.

ПРИУСАДЕБНЫЕ УЧАСТКИ

Тяга крестьян к своей собственной земле и к своему хозяйству, конечно, неискоренима. Чтобы в какой то мере удовлетворить это законное чувство, а кроме того, чтобы колхозники могли кое-как питаться и существовать, Сталин, как известно, облагодетельствовал крестьян приусадебными участками. Они, как правило, очень маленькие: у нас не больше четверти гектара. На колхозном поле крестьянин работает с проклятьем. Но надо видеть, как заботливо и хозяйственно работает он в свободное время (чаще всего в воскресенье) на своем приусадебном участке. На этих участках в 1/4 гектара крестьяне делали просто чудеса, сменяя одни овощи другими, разводя самую интенсивную культуру огородничества. Собственно, эти участки и являются настоящей базой существования крестьянской семьи. Но постепенно, тихой сапой, по всей России крестьяне стали расширять эти свои приусадебные участки. Как? Да стали разрабатывать каждую пядь земли вокруг своего дома, стали разрабатывать овраги и всякие неудобные куски возле деревни, стали обкапывать исконную веку некопанную землю между крестьянскими избами, стали уменьшать, насколько только возможно, свои дворы. Конечно, это было замечено властью. Эти «расширения» приусадебных участков стали мгновенно известны и наверху. И сверху последовал приказ: промерить приусадебные участки. И вот началась промерка! У одного крестьянина оказывалось вместо 1/4 гектара целый гектар, у другого пол-гектара, у третьего три четверти. И тут коммунистическая власть поступила с крестьянами со всей присущей ей жестокостью. Все «излишки» приусадебных участков (больше 1/4 гектара) были переданы в колхоз, но еще в наказание у крестьян, разработавших для себя неудобную землю, колхозная администрация отбирала отведенную им плодородную колхозную землю, заменяя ее той неудобной, которую крестьянин с таким трудом сам разработал, оказывается, на свое же горе. Надо было видеть, какую ненависть вызывала в крестьянах эта промерка приусадебных участков и отобрание «излишков».

ОБ УНИЧТОЖЕНИИ КОЛХОЗОВ

Относительно колхозной системы иные старые русские эмигранты думают, что крестьяне могут с этой каторжной системой «примириться» и даже счесть ее «выгодной». Это — иллюзия: крестьяне никогда с этой системой примириться не могут и не примирятся, ибо никакие люди никогда не примиряются с рабством и каторгой. Другие думают, что в случае разрушения колхозной системы в стране наступит хаос «черного передела». Но они ошибаются. В Курской, Орловской, Смоленской областях при наступлении немцев, когда коммунистическая администрация колхозов разбежалась при приближении немцев, и крестьяне чувствовали себя свободными, раздел колхозной земли и колхозного инвентаря происходил с необычайной быстротой: все делилось в один день. К тому ж, без малейших неполадок. Надо было удивляться, с какой быстротой от колхозной системы не оставалось следа. И приходившие немцы уже заставали землю и инвентарь перешедшими в частную собственность. Правда, с приходом немцев крестьян ждали новые разочарования, но это уже иная тема. Во всяком случае, если сталинский режим когда-нибудь рухнет, а он, конечно, рухнет, то колхозная система будет ликвидирована буквально в один день. И никакая сила в мире не смогла бы, если бы даже захотела, удержать крестьян от разрушения этой системы именно таким молниеносным порядком. Всякого, кто попытался бы задержать ликвидацию колхозной системы, смела бы стихия страшной, небывалой народной ненависти.

А. Крамарев.

В ПЕЧОРСКОМ КОНЦЛАГЕРЕ

От редакции: Автор этого очерка — польско-еврейский журналист, сотрудник еврейских ортодоксальных газет, пробравшийся в Советский Союз после бегства из гитлеровского концлагеря в Польше. Когда в начале сентября 1940 года с небольшой группой спасавшихся от гитлеровского террора польских евреев автор пробирался через демаркационную линию, никто из них не знал ни слова по русски. Кто-то из друзей научил их одной фразе, с которой они должны были обратиться к советской сторожевой охране, когда будут захвачены ею уже на советской стороне: «Нехай живет товарищ Сталин». Но и это «нехай» не помогло. Начальник сторожевой охраны сначала пытался было заставить всю группу вернуться на гитлеровскую сторону, и когда женщины и дети подняли крик и плач, арестовал всю группу.

Автор провел восемь месяцев в Львовской тюрьме, весной 1941 года был переведен в тюрьму в Харьков и отсюда вскоре отправлен на Север, в Печорский лагерь. После вступления Советского Союза в войну и «амнистии» полякам, автор был освобожден, но еще до сентября 1944 года оставался в Советском Союзе, когда он вернулся в Польшу, чтобы позже уехать в Америку. Помещаемый ниже очерк заимствован из большой серии его статей, печатающейся сейчас в американском еврейском «Форверсте».

...Наша партия ссыльных, насчитывавшая около 5000 человек, разных национальностей — мужчин и женщин, была погружена в Харькове в поезд, состоявший из 60 с лишком товарных вагонов. Теснота в вагонах была чрезвычайная и вагоны в пути всегда оставались запертыми снаружи.

Поездка по железной дороге продолжалась шесть суток. По прибытии на место нас выгрузили из поезда и под усиленным конвоем доставили к реке и перевезли в баржах на другой ее берег. Затем мы прошли несколько миль пешком и через огромные ворота попали на огромный двор. В нем находились огороженные меньшие дворы со зданиями в каждом из них. Через решетки я увидел много заключенных мужчин.

«Это Пересыльный пункт печорского лагеря» — заявил один из стоявших недалеко от меня. Как я узнал впоследствии, через этот пункт должны проходить все сосланные в огромный, тянущийся отсюда на сотни километров к Ледовитому океану, дикий край, именуемый «Печорлаг».

В пересыльном пункте каждый вновь прибывающий ссыльный получает назначение в «отделение», где он должен будет работать или, вернее говоря, претерпевать муки в течении назначенного ему срока. Этот пункт фактически является центром всех огромных лагерей на территории Печорлага.

В бараках пункта я встретил тысячи евреев из многих городов в Польше, особенно же из Украины и Белоруссии, сотни русских евреев из разных мест и много евреев из Бессарабии. Со слезами на выцветших глазах, в полном от-

чаянии и полной безнадежности многие из них рассказали мне о своих муках в тюрьмах, во время допросов, в пути, и сейчас, на последнем этапе их скорбного пути.

* * *

Мы шли пешком, следуя по полотну линии строющейся железной дороги. Вся наша партия была разбита на группы, отделенные друг от друга небольшими промежутками. Если кто-нибудь отставал или падал в изнеможении, конвойный ударом ногой или прикладом винтовки заставлял его встать и идти дальше. Вспомнил я тогда время, когда гитлеровские разбойники точно так же гнали меня вместе с большой партией евреев из Амшинова в Раву—Мазовец—Томашов—Ченстохов, в расположенные там концлагеря. Разница была, однако, в том, что в гитлеровские лагери в Польше нас вели мимо городов, деревень, селений, так что смельчаки могли иногда рискнуть бежать и скрыться. Здесь же, на диком русском севере, о такой возможности и думать нельзя было.

Нас гнали и днем и ночью. После нескольких дней мы не могли больше отличать дня от ночи, так как в «белые ночи» было так же светло, как и днем. Мы давно уже потеряли счет календарным дням, и вся жизнь наша превратилась в полускотское существование.

Проходя через леса, мы видели толпы людей, таскавших на своих плечах срубленные деревья. В трех местах я видел несколько сот женщин, таскавших на себе такие же бревна, а дальше на линии строющейся железной дороги женщин, которые на себе перетаскивали рельсы.

Только два или три раза в сутки мы делали привалы. Мы привыкли к этому бродучему образу жизни, научились разводить костры из сырых веток и листьев и кипятить на них то небольшое количество мутной воды, которое нам удавалось добыть из ближайшей канавы. Часто, однако, конвойные приказывали следовать дальше, прежде чем вода закипала.

Конвойные назначали привал вблизи более крупных лагерей, из которых нам доставляли хлеб, сухари или другие сухие предметы питания; горячего мы не получали. Заключенных этих лагерей к нам близко не подпускали. Конвой охранял нас чрезвычайно строго. Привал для сна продолжался несколько часов, и тогда нам разрешали лечь на голую землю, чтобы немного поспать. Мы научились лежать под дождем в грязи и на сырой земле. Мы шли по пустынной дороге и в проливной дождь. Укрыться от дождя некуда было. Кроме нависших на небе облаков, диких лесов из тонких деревьев, холмов и безбрежной тайги мы ничего не видали!

Через неделю большая часть нашей партии дошла до чрезвычайного изнеможения. Многие стали бросать узлы с вещами, которые они таскали с собой, сбрасывать с себя лишнюю одежду, чтобы не так тяжело было итти. Я сам видел, как после таких случаев «разгрузки» конвойные приказывали устроить привал для отдыха, а двое из них возвращались обратно и собирали все брошенные предметы одежды и узлы с вещами и складывали в кучу. Затем они отправлялись в ближайший лагерь, возвращались оттуда в сопровождении нескольких человек и уносили все собранное добро. После «уборки» всего награбленного они возвращались довольные и сердитым голосом приказывали двигаться дальше.

После каждого привала усталость и физическое истощение сказывались все больше. Многие падали в изнеможении. Конвойные набрасывались на них с ругательствами и проклятиями, тащили их за руки или за уши, гнали отстававших вперед. А если ослабевший и истощенный человек падал уже совершенно обессиленный, конвойные что-то отмечали на клочке бумаги, оставляли умирающего или умершего лежать на дороге и гнали нас дальше...

Так мы шли неведомое число дней и ночей по пустынной тайге, не получая достаточной пищи или даже воды для питья, спали насквозь промокшие от дождя, в одежде, пропитанной потом, измученные, разбитые физически и душевно. Мы были доведены до состояния полного отупения и безучастия к нашей судьбе.

Из лагерей, мимо которых мы проходили, выходили начальствующие лица и отбирали для себя группы ссыльных, количество которых колебалось от 50 до нескольких сот. Так был забран из нашей партии единственный врач, следовавший с нами в ссылку.

Были в нашей партии воры, которых, оказалось, «хорошо знали» в лагерях, мимо которых мы проходили. Им лагерные повара выносили целые караваи хлеба.

* * *

Раньше, в тюрьме, тюремное начальство при каждом удобном случае раз'ясняло нам, что советские трудовые лагеря являются благом для содержащихся в них. В них заключенные «забывают», что они лишены свободы. Рабочий день в них нормальный, каждый заключенный может работать по своей специальности, жизнь в лагерях протекает на коллективных началах. Свободное время можно проводить в «клубе», читая газеты, слушая радиопередачи и т. д. От поры до времени — говорили нам — в лагерях устраиваются спектакли, читаются доклады и лекции и т. п. «В советских лагерях человек воспитывается для производительного труда и для того, чтобы стать свободным гражданином», — говорили нам.

Когда я находился еще в Львовской тюрьме, я так же, как и другие заключенные, умолял начальство: «Отправьте нас, наконец, в лагерь!»

Позже мне пришлось услышать достаточно печальных вестей о советских лагерях. Все же хотелось на половину верить тем, кто рассказывали о «хорошей» жизни в лагерях.

Но когда после мучительного пути пешком я в составе 700 ссыльных попал, наконец, в первый лагерь, у меня потемнело в глазах. В небольшом, грязном, немощенном дворе, с невысохшими после дождя лужами, находилось несколько примитивно устроенных бараков. Низко расположенные нары из круглых бревен служили ложем для сна. На них не было ни сенников, ни одеял, ни подушек. В бараках не было ни водопровода, ни канализации, ни освещения. Небольшой однокомнатный барак, на три четверти уходивший в землю, без всякого внутреннего оборудования, похожий скорее на собачью конуру, служил «санпунктом» (санитарным пунктом).

Я встретил там много польских евреев. У всех них был вид невероятно уставших, в конец измученных, почерневших от горя и невзгод людей. Первым их предупреждением было: «Сдавайте узлы с вашими вещами на хранение в склад лагеря. Среди заключенных имеются опасные воры и грабители. Они забирают все, что попадется им под руку, бьют смертным боем сопротивляющихся и всячески терроризируют их...»

Скученность на нарах была такова, что приходилось лежать сплошным рядом, тесно прижавшись друг к другу. Для многих из нас места на нарах не оказалось. Товарищи по бараку заявили нам: «когда мы отправимся на работу, вы сможете на время нашего отсутствия занять наши места».

Лагерное начальство предоставило нам самим организацию трудовых бригад и избрание наших бригадиров. Одним из таких бригадиров был «избран» Васька, вор-рецидивист, быстро оказавшийся «своим человеком» среди нашего начальства. Ко мне он обратился с предложением вступить в его бригаду. «Если ты согласен, достань мне сегодня же хороший костюм. Я советую тебе поступить в бригаду, составляемую из уголовных. У нас ты будешь работать мало и станешь стахановцем... В бригаде же твоих польских 'панов' ты скоро протянешь ноги!» Костюма у меня не было, и я попал в бригаду «панов».

*
**

К месту работы нас сопровождала стража из одного вооруженного солдата и нескольких уголовных сыльных в качестве надзирателей. Работа наша состояла из рубки деревьев, выкорчевывания пней, засыпки ям и болот, срытия холмов, вывозки песку и камней в тачках, сооружения шоссе, прокладки железнодорожного пути и т. д.

Мне в первый день было дано заданье — вырыть в течение дня, вернее, в течение ночи, так как я работал в ночной смене, 9 кубометров земли и перетаскать ее в указанное место на расстоянии 10 метров. За всю смену мне удалось вырыть не больше 3-х кубометров. Даже «стахановцам» удавалось вырыть не более 5-6 кубометров в день. Слово «каторга» слишком слабо для обозначения рабского труда этого рода.

Васька стал уже начальствующим лицом. Хорошо одетый и обутый, он бегал от одной бригады к другой и наглым, сердитым голосом гремел: «Быстрей! Живей! Лодыри! Вам покажут, как работают в Советском союзе!»

Вскоре после полуночи прибыл повар с тележкой, на которой находились два котла с варевом. В течении 15 минут всем было роздано по пол-литра жидкого супа. Мы едва успели проглотить его, как последовал приказ возобновить работу. Работать приходилось без передышки, и всякая попытка прервать работу хотя бы на несколько минут встречала суровый окрик начальства. Мы скоро убедились в том, что с нас будут требовать безусловного выполнения заданной нормы работы. По окончании работы нашей смены чины лагерной администрации совершали обмер произведенной каждым из нас работы и записывали данные этого обмера. «Так как сегодня первый день вашей работы — заявил нам начальник — мы разрешим вам вернуться в лагерь, хоть вы и не выполнили своей нормы. Но впредь, забудьте о такой возможности!»

В течение первых двух недель мы, согласно об'яснению нашего начальства, были заняты не «нормальной» работой, а строительством, т. е. сооружением нового лагеря. Настоящая работа, которая послужит делу борьбы Сов. Союза с фашистским врагом, начнется позже. Я попал в бригаду, которой поручена была постройка «шоссе», — первой дороги в этой гиблой местности. Одновременно были сооружены два барака с оградой, воротами, сторожевой башней и т. д. Таким образом было организовано новое, 13-е, отделение лагеря, в которое попал и я.

В середине барака помещалась небольшая печурка из жести. И в течение летних месяцев ее топили почти ежедневно, ибо по возвращении с работы нам всегда было холодно. Однако, печурку топили преимущественно для того, чтобы сушить нашу одежду, обычно насквозь промокшую. Дни без дождей были большой редкостью, а мы не смели прерывать работу даже во время проливных дождей. «Необходимо выполнить план», — твердило нам начальство.

Лишь «счастливцам», то есть уголовным и людям с сильными локтями, удавалось занять место около печурки. Мы же, люди не «привилегированные», этой льготы обычно были лишены. Наше белье и наша одежда постепенно стали гнить так же, как и тела наши. От каждого из нас несло ужаснейшей вонью.

*
**

Наш рабочий день официально продолжался 12 часов, от 6 часов утра до 6 часов вечера для дневной смены, и от 6 до 6 для ночной. Одну неделю мы работали в ночной смене, а следующую в дневной. Таков был «нормальный порядок. Как же дело обстояло в действительности?

В 4 часа нас будили. Вставши, мы наскоро умывались. Никакого помещения и никаких приспособлений для этого не было. Мылись на дворе. В зависимости от запаса воды поливали себе либо лицо, либо одни лишь глаза, вытираясь рукавом или полой пиджака. В самом лагере воды не было, ее привозили откуда-то в бочках, и часто случалось, что мы оставались совсем без воды.

Около 5 с половиной часов всех, даже больных, выгоняли из барака на двор на поверку, происходившую в присутствии всего лагерного начальства. Поверка эта продолжалась долго, подсчет почему-то не удавался сразу, и его приходилось повторять несколько раз. Когда, наконец, начальству удавалось сосчитать нас, бригадиры собирали свои бригады, и мы отправлялись на работу.

Работа наша была чрезвычайно тяжела и требовала сверхчеловеческого напряжения. При землекопных работах мы часто наталкивались на твердую почву, которую нельзя было взять лопатой. Еще хуже бывало появление воды и затопление уже выкопанного места. В том и другом случае приходилось долго задерживаться на одном месте. А начальство грозило виновным в таком «саботаже» отправкой в дисциплинарный лагерь. Оно, ведь, было чрезвычайно заинтересовано в достижении нами высокой выработки. Этим оно демонстрировало высшим властям, что управление лагерем и руководство работами находится в «надежных» руках.

Однако, в наших условиях проверка высшими инстанциями правильности показываемых в отчетах бригадиров и рапортах лагерного начальства данных о выполнении нами работ была в действительности почти невозможной. Кто мог знать глубину болот, которые мы засыпали, об'ем срытых нами возвышенностей, характер почвы в данном месте? Поэтому часто данные о выполнении заданий и о количестве [illegible] просто сочинялись. Но за это необходимо было давать бригадирам дань, часто жертвуя даже хлебным пайком.

Вместо официальных 12 часов мы работали фактически 14, 16 и даже 18 часов в день. А раз один из начальников лагеря перед выходом нашим на работу обратился к нам с следующим заявлением:

«Товарищи! Сооружение железной дороги должно быть закончено нами к 7-му ноября. В день этого великого праздника советской революции мы желаем преподнести нашу железную дорогу тов. Сталину в виде подарка!.. Мы, поэтому, решили не уходить с места работы прежде, чем каждый из нас не выполнит всей нормы. Тот, кто не подчинится этому приказу, будет считаться саботажником и вредителем нашего строительства!»

Так как это обращение не оказало желанного действия, то вскоре нам заявили, что рабочий день удлиняется до 15 часов.

*
**

Еду нам официально отпускали три раза в день, но в действительности мы ели лишь два раза. Нам не стоило прерывать сон для того, чтобы проглотить водянистый суп. Укладываясь спать, мы, поэтому, просили бригадира не будить нас к «обеду» и взять его себе. Эту просьбу он всегда исполнял.

Я по сей день не понимаю, каким образом мы выжили. Мы работали чрезвычайно тяжело, питались очень скудно, отдыхали лишь несколько часов в сутки и жили в невообразимой грязи. Все время мы должны были делать чрезвычайные усилия, чтобы не поддаваться угнетенному психическому состоянию. Как больно было нам, что нам, жертвам Гитлера, и в Советском Союзе выпали на долю лишь рабский труд, лишения и унижения. Горько было и разочарование в Советском Союзе, в котором многие из нас надеялись найти спасение. Теперь мы часто говорили друг другу: «Это они-то несут избавление страждущему человечеству?! Вот эти-то советские начальники должны стать правителями мира?! Это агенты-то НКВД вместе с уголовной шпаной собираются установить на земле высшую справедливость и новый строй?!»

Л. Щекач.

Письмо в Редакцию

Уважаемый г-н Редактор,

в течение последнего года, точнее — с 22 мая 1945 года по 18 марта 1946 года, я работал в советском посольстве в Париже, в качестве редактора газеты «Вести с родины», издаваемой посольством для русской эмиграции во Франции. 18 марта с. г., когда мне было внезапно предложено — за два часа до отхода поезда, — собрать вещи и ехать в Москву, я покинул посольство и перешел на эмигрантское положение. В связи с тем, что парижское посольство продолжает утверждать и распускает в эмигрантских кругах слухи, что я якобы нахожусь в настоящий момент в Москве, считаю необходимым опровергнуть эти слухи и сделать заявление о том, почему я не возвращаюсь в Советскую Россию:

— Войну я проделал в рядах Красной армии, от первого дня до последнего. Осенью 1941 года воевал под Москвой, у Волоколамска — рядовым солдатом-подрывником в 16-й армии генерал-лейтенанта Рокоссовского. В январе 1942 г. был произведен в лейтенанты и командовал саперной ротой на Северо-Западном фронте, на том участке фронта «к югу от озера Ильмень», который долгое время упоминался в оперативных сводках. Далее, был выдвинут на работу в оперативный отдел штаба 35-й саперной бригады, затем — в штаб Северо-Западного фронта, где мне было поручено изучение боевого опыта. Последние два года войны, начиная с 1943 года, я служил военным корреспондентом при штабе 6-й воздушной армии, где был произведен в капитаны и награжден орденом Красной Звезды. Вместе с Красной армией я прошел, таким образом, весь путь от стен Москвы до развалин Дрездена, и еще 22 апреля 1945 года принимал участие в бою против контр-атаковавшей — в районе Бауцена — немецкой танковой дивизии «Бранденбург». После войны, с 22 мая 1945 года, как сказано выше, я работал в советском посольстве во Франции.

Как рядовой солдат и командир роты, я видел войну на узком, маленьком участке фронта, т. е. вглубь. Как офицер крупных штабов и военный корреспондент, я имел возможность видеть войну на протяжении нескольких фронтов, т. е. вширь. Война развертывалась перед моими глазами, как величайшая трагедия русского народа, который, защищая свою землю от немецкого нашествия, вынужден был в то же время защищать большевизм. Русские люди надеялись, что после войны «все образуется», что самим фактом победы над Германией будут вызваны перемены внутри страны. Так, покойный Патриарх Сергий в знаменитой проповеди, произнесенной в июне 1941 года, имел мужество выразить перед народом надежду, что разразившаяся военная гроза несет не только бедствия, но и пользу, ибо она послужит очищению духовной атмосферы внутри страны. К несчастью, этого не случилось: большевизм **украл** победу, завоеванную русским народом.

В Москве теперь создают капитальный труд — «Историю Великой Отечественной Войны». Там будет рассказано о «клещах» и танковых прорывах, о методах артиллерийского наступления, о взаимодействии авиации и пехоты, — умолчат лишь про духовный опыт, про то, какие перемены вызвала война в сознании русского солдата. Напишут в сотый и тысячный раз, что в войне одержал победу советский строй и что армия и народ вдохновляются коммунистической партией. Но это — ложь, которая не становится менее грязной от искренности и чистосердечности лжецов.

Нелегко, пожалуй, даже невозможно, понять со стороны то, что произошло в России за годы минувшей войны. В самом деле, как понять, что русские люди, которые еще в 30-х годах ждали войны и вместе с нею — крушения большевизма, потом, когда война началась, поднялись на битву, и не только спасли большевизм, но помогли ему утвердиться, распространиться чуть ли не по всей Европе? В. Г. Чемберлэн, известный американский журналист, близко знающий Россию, проживший там 12 лет, в недавно вышедшей книге пишет: «Если Красная армия до 1941 года была наименее известной из всех больших армий мира, то германско-советская война, в СССР официально именуемая Великой Отечественной Войной, во всех своих деталях бесспорно является наименее известной из всех великих военных конфликтов современной истории» («Русская Загадка», Монтреаль, 1946. стр. 307).

Между тем, многое в мире зависит от правильного решения «русской загадки». Поэтому я принял, как долг, от которого нельзя мне уклоняться, — больше того, дал обет, — посвятить свою чудом спасенную жизнь тому, чтобы рассказать правду о войне, о подвиге русского народа и о его трагедии*).

Позвольте поблагодарить, г-н Редактор, за содействие, оказанное при опубликовании моего письма.

Михаил Коряков, капитан Красной армии.

ИЗ ПАРТИИ

В конце июня нью йоркская группа РСДРП и сочувствующих закончила свой годичный сезон. За истекший год группой было устроено 13 вечеров, из коих один был посвящен 25-ти летнему юбилею «Социал. Вестника», а 12 — заслушанию разных докладов. Были заслушаны следующие доклады: Р. А. Абрамовича два доклада — в начале сезона на тему: «Текущий момент» и в конце его: «Международное положение»; Б. М. Сапира — «Положение социализма в Европе»; Б. И. Николаевского: «Пути развития советской России»; Ю. П. Денике: «К познанию России» и «Франция после выборов»; И. Г. Церетели: «Задачи современного социализма»; Г. Я. Аронсона: «Рост оппозиции в СССР»; Д. Ю. Далина: «Война или мир?»; С. М. Шварца: «Новая пятилетка».

Кроме того, был устроен вечер в связи с выходом в свет книги П. А. Гарви «Воспоминания социал-демократа», изданию которой много содействовала нью йоркская группа РСДРП, выделившая для этого особую комиссию, и, наконец, был устроен прощальный вечер в связи с от'ездом в Европу т. Церетели. На этом же собрании был также заслушан информационный доклад т. Л. Гуре о «Положении в Германии».

Все доклады вызвали оживленные прения.

На юбилейном собрании «Соц. Вестника» Правление обещало от имени Группы внести в этом году в кассу фонда «С. В.» 900 долларов. В счет этой суммы внесено до сих пор 780 дол. Ожидаются поступления от товарищей, которые еще не успели сделать своего взноса.

---

*) М. Коряков написал книгу: «Почему я не возвращаюсь в Сов. Россию», которая уже находится в печати, и с которой мы в свое время познакомим наших читателей.